

Экологическое общество «Зеленое спасение»

Вестник
«Зеленое спасение»

Выпуск 6

ЭКОЛОГИЯ
КУЛЬТУРЫ

Алматы
1996

Вестник «Экология культуры». Выпуск 6. — Алматы, 1996. — с.88.

Издается с 1995 года.

Данный выпуск Вестника обращает внимание читателя лишь на некоторые аспекты проблемы “экология культуры”. Диапазон их широк — от философской трактовки форм восприятия природы к “Стратегии завтрашнего дня” выдающегося мыслителя и эколога-практика Жака-Ива Кусто; от эссе, посвященного памяти известного писателя-натуралиста Максима Зверева, к творчеству наших детей.

Подписанные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции Вестника.

Электронные номера Вестников можно заказать по E-mail:
ecoalmati@glas.apc.org

Редактор и составитель *Н. Беркова*
Технический редактор *А. Поляков*
Корректор *И. Третьякова*

© Экологическое общество «Зеленое спасение», 1996

Вестник 6
Экология культуры

Сдано в набор 15.12.96. Подписано в печать 30.12.96.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура TimeDL.
Усл.печ.л. 5. Тираж 200.

Компьютерный макет и печать — Фонд «XXI век»
Республика Казахстан, 480026, Алматы, пр.Желтоксан,12

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

ИСТОКИ

Гульнар Шаракпаева. Формы восприятия природы в истории культуры	11
Людмила Воробьева. “Без памяти родник пересыхает”	17

ПРИРОДА И ЛИТЕРАТУРА

Людмила Воробьева. “Как не верить нам в милость природы-творца”	24
Абай. Стихи	28
Алмагуль Жумабаева. Акын живой природы. Памяти М. Д.Зверева	35

И ВСЕ-ТАКИ МЫ ВЕРИМ...

Ольга Гумирова. Девочка и небо	41
Жанар Кусаинова. Долина счастья, или Три новеллы о потерянной родине	42
Надежда Ломова. Дети рисуют природу...	47
Сергей Куратов. Очарованный “Калипсо”	51
Жак-Ив Кусто. Стратегия завтрашнего дня	57

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

Ольга Гумирова. Трещинки на асфальте	60
Пресс-центр газеты “Дружные ребята” представляет: Елана Кудинова, Жанар Кусаинова, Натали Болтрумович, Дина Воробьева	62

ВДОХНОВЕНИЕ, ПОДАРЕННОЕ ПРИРОДОЙ

Александр Панченко. Внук Ромка	68
Сергей Куратов. Полет	74

ИНФОРМАЦИЯ

Государственная республиканская юношеская библиотека (Казахстан)	86
Фонд «XXI век»	23

<i>SUMMARY</i>	88
-----------------------------	----

Осенью 1995 года в Республиканском Дворце школьников впервые прошла конференция Малой Академии наук “Экология и дети”. В течение нескольких лет до этого знаменательного события дети работали в экологической секции большого апрельского форума Малой Академии. Но постепенно стало ясно, что в рамках секции становится тесно и невозможно охватить все те проблемы, с освещением которых готовы выступать ребята. И тогда заместитель директора Дворца школьников, Валентина Ивановна Хлыновская, консультанты-методисты, посоветовавшись с учеными, решили проводить по осени конференцию, посвященную только проблемам экологии. Разделили собрание по следующим направлениям: “Экология и общество”, “Экология флоры”, “Экология фауны”, “Экология человека”. В прошлом году возникла идея открыть новую секцию, необычную и своеобразную по тематике — “Экология и искусство”. Ответственность за ее работу возложили на активистов “Зеленого спасения”.

В нашей группе собралось более тридцати участников со всего Казахстана. И оказалось, что, в понимании представителей данного направления, значение термина “экология” намного шире общепринятого, специального. Наука о доме, о сложной взаимосвязи всего живого на планете Земля — обители человечества, об осознании человеком этих связей и отражении их в искусстве и культуре — так кратко можно определить рабочий термин “экология” для тех, кто работал и работает в нашей секции.

Ребята продемонстрировали, как экологические идеи могут быть выражены в поэтическом произведении, спектакле, музейной экспозиции, в песне. Дети читали доклады о поэзии и изобразительном искусстве, показывали плакаты и рисунки. Идея охраны природы обрела яркое выражение в детском творчестве, выставке поделок из отходов, во флористике — искусстве создания картин из мастерски высушенных цветов и растений. Восхищение необычайной щедростью природы, эстетическое наслаждение, подаренное созерцанием ее красоты, — вот что двигало воображением и побуждало закреплять свои впечатления на листе бумаги или картоне, отрезке ткани или холста.

Страстные монологи, стихи, поэтические откровения прозвучали в исполнении двенадцатилетнего Руслана Хусаинова, Жанар Кусаиновой, Асем Бахтыбаевой, Кати Авдеевой. На русском ли, на казахском звучали

строки, все они говорили об одном, что Земля у нас одна, она очень ранима, беречь ее и все живое на планете предстоит нам вместе.

В рамках конференции “Экология и дети-96” в авторе философского исследования Ольге Бауэр из города Рудного, подготовившей доклад о вкладе Н. Рериха в развитие мировой идеи об экологии духа, мы нашли единомышленника.

“Экология, исследовавшая вначале лишь влияние человеческой деятельности на природу, сейчас обращается к проблеме человека, так как без изменения сознания человека, его отношения к себе и к миру невозможно сохранение жизни на земле. Источником “человеческих качеств” была и остается культура, и потому становится очевидным, что мир духовной культуры человека также подлежит защите и охране”, □— пишет ученица лица научно-экологической культуры О.Бауэр.

Разнообразие форм детских исследований и наблюдений, творческих работ подтверждало мысль: дети, создавая произведения о природе, вносят свой, пусть небольшой, но ценный вклад в развитие культуры. Маленькие граждане Земли, они сохраняют культурные ценности и, привлекая к ним внимание, побуждают к активной позиции в защиту природы и культурных ценностей, вместе с учителями-энтузиастами восстанавливают преемственность и утраченную связь с природой, обращаясь к народному творчеству, творчеству выдающихся мыслителей планеты, сохраняют традиции общения с природой.

Результаты работы секции убедили нас, что задуманный ранее выпуск Вестника о крепких нитях, связующих природу с культурой человечества, не останется без авторов — как детей, так и взрослых. Новая встреча с учащимися и педагогами в 1996 году подтвердила ожидания и приблизила к цели.

II

О новых аспектах экологии, применительно к нашей культурной почве, говорит академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: “Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее важная, чем сохранение окружающей среды. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима человеку для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, следования заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности. А между тем, — продолжает Лихачев, — вопрос о нравственной экологии не только не изучается, он даже и не поставлен нашей наукой как нечто целое и жизненно важное для человека”.

На исходе века мы убеждаемся, насколько актуальны такие наблюдения и призыв к действию известного ученого-гуманиста.

Стремление лучших представителей Земли, таких как Сергей Радонежский, Николай и Елена Рерихи, Махатма Ганди, Дмитрий Сергеевич Лихачев и ряда других, к гармонии духовного и физического начал работает на все человечество в целом. Мысль о защите нравственного потенциала, творческого императива человека, его физического здоровья есть составляющая экологии человека, как носителя духа. Сегодня эта сфера деятельности человека в развитии мира и цивилизации испытывает особый кризис и посылает предупредительные сигналы.

Люди, оторванные от природы, проживающие в некоей усредненной городской окружающей среде, создают на этом фоне собственную социокультурную среду. Хорошо известно, что человек, не помнящий родства своего, без корней, превращается в пустое существо, не имеющее как прошлого, настоящего, так и будущего. Сохранить культуру, нравственные общечеловеческие ценности, истоки которых в далеком прошлом народов и связаны с тесным общением и гармоничными отношениями с природой, — задача экологии культуры. Отметим, что экология культуры — вещественного и духовного, природного и культурного (социального) окружения человека — обретает особый смысл в цепи поколений, в преемственности социально-экологической наследственности, передаче народного наследия, народного опыта общения с природой. Неисчерпаемый кладезь народной мудрости, сосредоточенный в сказках, былинах и легендах, пословицах и поговорках, — основа основ складывавшегося веками благоговейного отношения людей Земли к природе.

В нашей русской традиции преемниками и первыми наследниками народного творчества всегда были поэты и писатели. Немало задушевных строк посвятили природе Пушкин и Лермонтов, Толстой и Чехов, Бунин и Пастернак.

В них — культурная ценность литературного слова, запечатлевшего миг изумления перед духовной неисчерпаемостью природы и невозможностью сохранить эту красоту в акварельном мазке поэзии, в графическом росчерке прозы.

Но в даруемой природой возможности наблюдать извечно повторяемый временной цикл — “*tabula rasa*” для каждого нового рождаемого Землей поэта. Каждому из этого нескончаемого племени достаются свои восходы и закаты, каждый входит первый раз в свою реку и созерцает сквозь ветви дерева путь луны по звездному небу...

XX век обнаружил и описал в литературе и поэзии новое положение человека в природе, а точнее в окружающей среде, его (человека) потеряность в большом мире машин, механизмов, городов, отчужденность не только от себе подобных, но и других живых существ Земли.

На память приходят строки Николая Заболоцкого:

В жилищах наших
Мы тут живем умно и некрасиво.
Справляя жизнь, рождаясь от людей,
Мы забываем о деревьях.
Нам непонятна эта красота —
Деревьев влажное дыханье.

Философия «благоговения перед жизнью» крупнейшего мыслителя нашего века, великого гуманиста, Альберта Швейцера возвращает нас к истокам, к первоначалу, призывая любить, охранять и защищать все живое. Правда этики благоговения перед жизнью, по Швейцеру, в том, что она не подчеркивает различия между жизнью высшей и низшей, более ценной или менее ценной. Кто из нас знает, какое значение имеет другое живое существо само по себе и в мировом целом? Швейцер поставил наиважнейший вопрос современности о месте человека в мироздании, пошатнув, таким образом, антропоцентристскую, принятую многими философиями и религиями мира точку зрения на человека. Венец ли природы — человек? Является ли он единственным мерилем ценностей на Земле и во Вселенной?

Такая норма этики может быть признана экологической. Такие правила отношения к природе и с природой были приняты в доколумбовой Америке. Они нашли яркое выражение в песнях и молитвах индейцев. Приведем, как пример, отрывок из молитвы племени Юта.

Земля, научи меня быть спокойным,
как травы спокойны при лунном свете.
Земля, научи меня нести мое бремя,
как старые камни несут свою память.
Земля, научи меня быть смиренным,
как муравей, по траве ползущий.
Земля, научи меня быть свободным,
как в поднебесье орел парящий.
Земля, научи меня забываться,
как забывает ручей о снеге,
Земля, научи меня быть благодарным,
как поле, дождю отдавшее слезы.

Если бы мы повторяли хотя бы несколько слов из этой молитвы каждый день для себя, мы продлили бы в нашей жизни традиции американских индейцев и положили бы первые кирпичики в формирование экологической этики в наших детях.

III

Педагоги, верные идее экологического образования, преподают ли они биологию или географию, литературу или изобразительное искусство, историю или химию, все они понимают, что целью их обучения в конечном счете является формирование экологической культуры будущего гражданина Земли. Такого гражданина, который не допустит гибели природы, человека и создаваемой в течение многих веков передовой гуманистической культуры. И для того чтобы реализовывать эти задачи, нам необходимы знания философии и народного наследия, классической и современной литературы и поэзии, знание самой природы и человека.

Наш Вестник новой, мало освоенной тематики предпринимает попытку собрать под одной обложкой материалы разные по стилю и миропредставлению, написанные в разных формах и жанрах.

Здесь и изложенное строгим языком науки исследование “Форм восприятия природы в истории культуры” педагога высшей школы Гульнар Шаракпаевой. И конкретные наблюдения обычаев казахского народа, связанных с поклонением и уважением природы, в статье Людмилы Воробьевой, нашего постоянного автора из Кокшетау.

Мы преклоняемся перед теми писателями, мыслителями, которые в почитании природы, ее животворящей силы видели смысл своего творчества. Таким был казахский поэт Абай. Вспомним строки его творений. Об одном из таких подвижников, нашем соотечественнике Максиме Дмитриевиче Звереве очерк Алмагуль Жумабаевой “Акын живой природы”, посвященный столетию писателя, ученого.

Материал Сергея Куратова “Очарованный “Калипсо” расскажет о благородной миссии корабля-исследователя легендарной группы Кусто, который верой и правдой служил командору долгие годы. Благоговением перед жизнью, созвучным с философией Альберта Швейцера, пронизана “Стратегия завтрашнего дня” Жака-Ива Кусто.

Наш Вестник не случайно обращается к детскому творчеству в двух рубриках сборника — “И все-таки мы верим” и “Детская страничка”. Ребячьи рисунки, рассказы, продиктованные непосредственностью чувств, исполненные добра и жажды справедливости как барометр, по показаниям которого должны ориентироваться взрослые. Бесспорно талантливы новеллы из цикла “Долина детства” Жанар Кусаиновой.

Обучая, — учимся сами. “Docendo discimus”. Надежды детства не имеют права быть отринутыми равнодушием и безразличием взрослых.

И все-таки мы верим. Когда-то с подобным названием вышел в свет фильм выдающегося советского режиссера Михаила Ильича Ромма. “И все-таки я верю”, — говорил тогда Ромм, с надеждой всматриваясь в будущее, охваченный тревогой за молодежь планеты. Сегодня мы

обеспокоены не только будущим наших детей, но и будущим природы, всей Земли, детьми которой мы являемся.

Этот Вестник может показаться Вам спорным, неполным. Думаем, что это только начало освоения такой широкой и емкой для изучения темы, как экология культуры, человека, духовных ценностей. Приглашая Вас к сотрудничеству, мы готовы принять замечания и предложения неравнодушных читателей, педагогов, энтузиастов экологического образования и воспитания.

Надежда Беркова

КАЗАХСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Даже в истоптанной траве расцветают цветы.

Дерево, что росло согнутым в течение тридцати лет, не может быть выпрямлено в один год.

Человек тверже камня, но нежнее розы.

Соловей может вырасти в вороньем гнезде,
но каркать не научится.

В Вестнике использованы пословицы и поговорки из книги В.Е.Борейко. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славян и других народов. — Киев, 1996.

Гульнар ШАРАКПАЕВА

*Старший преподаватель
Казахского Государственного
национального технического
университета
Казахстан, г. Алматы*

ФОРМЫ ВОСПРИЯТИЯ ПРИРОДЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

“Человек, — писал К.Маркс, — живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы”(1).

В истории культуры имели место различные формы восприятия человеком природы. Самой ранней формой является одушевление или одухотворение природы. “Для примитивных человеческих племен солнце и звезды, деревья и реки, облака и ветры становятся личными одушевленными существами, которые живут наподобие людей или животных и исполняют предназначенные им в мире функции с помощью членов, как животные, или искусственных орудий, как человек. Иногда же видимое человеческим глазом представляется лишь простым орудием для той или другой цели или еще бесформенным материалом, за которым скрывается какое-нибудь чудовище, хотя и получеловеческое, существо, действующее на них своими руками или приводящее их в движение своим дуновением”(2).

Такую форму восприятия человеком природы можно обнаружить в ранних религиозных верованиях, таких как фетишизм, тотемизм, анимизм. Термин “фетишизм” происходит от французского слова *etichisme*, что в переводе означает идол, талисман. Понятие “фетиш” было введено голландским путешественником В.Босманом в начале XVIII века. Немецкий философ Гегель дал определение этому явлению. По его словам, “фетишизм — это первоначальная форма религии, когда человек осуществляет косвенную власть над природой с помощью волшебного средства — фетиша, достигая того, что ему нужно”(3). Фетишизация объектов живой и неживой природы была многотысячелетней практикой нашего далекого предка. Она проявляется в разной степени и в недавнем прошлом, и в сегодняшние дни.

Наиболее явной формой фетишизации специально сделанных предметов культуры являются доси и алэлы кетов — аборигенов приенисейской тайги. Алэл — деревянная человекоподобная кукла, облаченная в традиционную кетскую одежду из сукна и оленьей шкуры или какого-нибудь меха. Дось представлял собой тонкий столб, вкопанный в землю, верхушка которого похожа на голову человека. Дось и Алэл — дети Холой. Холой — хозяйка местности. Ее изображали обычно на самой большой лиственнице. Холой необходимо постоянно подкармливать и одаривать, иначе она рассердится на людей и перекроет пути в тайге и на реках, отпугнет рыбу и дичь от охотников. В мировых религиях фетишизм сохраняется в почитании мощей и икон (христианство), священных “ступ” (буддизм), святых мест и “черного камня” (ислам).

Тотемизм — первобытная вера человека в предков животных и предков растений. У североамериканского индейского племени оджибве первые европейцы услышали слово “оттотем — его род”. Слово “тотем” стало обозначать в науке предка — животное, растение, камень, реку и т.д., а систему представлений, взглядов, связанных с тотемами, стали именовать тотемизмом. Люди почитали тотемов как предков родов, как тех, кто породил перволюдей. И в таком качестве в будущих тотемах выискивали нечто такое, что сближало их с человеком.

“Ворон выглядит умной птицей, способной иногда повторять человеческую речь. Так, может, он, ворон, наш предок?” — подумали индейцы—глинкиты северо-западных районов Северной Америки и сделали ворона своим первопредком. У многих кочевников тотемом был конь. Он помогал кочевнику преодолевать огромные расстояния и употреблялся в пищу. Монголы даже рукава своих халатов в память тотема вырезают как конское копыто. А полярная сова, которая смеется нередко по-человечьи, стала считаться первопредком некоторых народов Сибири. Тотемами были не только животные, но и птицы, и растения. Особенно много тотемов-птиц. Например, у половцев в поэме “Слово о полку Игореве” среди 11 тотемов много птиц. Половецкие тотемы таковы: Лебедь, Волк, Орел, Лисица, Соловей, Ворона, Галка, Сорока, Гусь, Полоз,

Дятел. В древнейшей китайской мифологии тыква участвует в сотворении мира, порождая в своем чреве титана-демиурга Пань-Гу, где Гу — это тыква-горлянка, а Пань — блюдо или простое имя. Почти у всех народов много общего в восприятии тыквы, дыни, арбуза, огурца какместилища многих жизней, каждое семя — это жизнь. Недаром есть русская загадка: “Без окон, без дверей — полна горница людей”; отгадка — огурец.

Анимизм (от латинского *anima*, *animus* — дух, душа) — термин, обозначающий религиозные представления о духах и душе. Введен в этнографическую науку английским ученым Э.Тейлором, который считал веру в отделимых от тела духов древнейшей основой (“минимумом”) возникновения религии, созданной “дикарем-философом” в результате размышлений над причинами сновидений, смерти и т.п. По-видимому, мыслящих людей, стоящих на низкой ступени культуры, всего более занимали две группы биологических вопросов. Они старались понять, во-первых, что составляет разницу между живым и мертвым телом, что составляет причину бодрствования, сна, экстаза, болезни и смерти? Во-вторых, они задавались вопросом, что такое человеческие образы, появляющиеся в снах и видениях? Видя эти две группы явлений, древние дикари-философы, вероятно, прежде всего сделали само собой напрашивающееся заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак. То и другое, видимо, находится в тесной связи с телом: жизнь дает ему возможность чувствовать, мыслить и действовать, а призрак составляет его образ, или второе “я”. И то, и другое, таким образом, отделимо от тела: жизнь может уйти от него и оставить его бесчувственным или мертвым, а призрак показывается людям вдали от него (4). Это вовсе не случайное или гипотетическое действие человеческого ума неразрывно связано с тем первобытным умственным состоянием, когда человек в мельчайших подробностях окружающего его мира видит проявления личной жизни и воли. Это учение об анимизме (5).

Анимизм содержит в себе несколько доктрин, которые неуклонно ведут к олицетворению. Эти доктрины таковы: идея о преобладающей воле и жизни в природе, выходящая далеко за пределы современного понятия о том же предмете; верование в личные души, одушевляющие даже то, что мы называем неодушевленными предметами; теория о переселении душ; понятие о мирадах духовных существ, носящихся в воздухе, обитающих в деревьях, скалах и сообщающих свои свойства материальным предметам. “Идеи эти, — отмечает Э.Тейлор, опираются на широкую философию природы, правда первобытную и грубую, но полную мысли и понимаемую вполне реально и серьезно”(6).

Существование подобного представления об одушевлении природы и мира в целом необходимо подтвердить определенными свидетельствами. Приведем некоторые отрывки из китайского народного рассказа о юноше Люхаре или Лю Хае. “Неизвестно, кто первым узнал, что камень, лежащий на дороге у входа в деревню, — серый валун — дух дороги, он живой, его

можно умилостивить и тогда он готов совершить зло тому, на кого укажет приносящий жертву. За поясом у Лю Хая топор, в руке веревка для вязанки — как будто вновь за дровами пошел дровосек. Приблизился он к камню и услышал глуховатый, но радостный голос камня: “Так я оказался прав, Лю Хай, а ты мне не верил. Подойди же ближе, спасенный мною супруг лисицы. Да, сюда, к моему лицу, а то ты стоишь сзади””(7).

Анимизм как форма духовной культуры был присущ всем народам на протяжении многих тысяч лет их истории. Анимизм, как справедливо подчеркивал Г.В.Плеханов, не просто минимум религии, который выводил эволюционист Э.Б.Тейлор, и не только необходимая начальная стадия любой религии, но и необходимый ее элемент. “Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов”, — отмечал Ф.Энгельс (8).

Начиная с V века до н.э., в эпоху ранней античности начался интенсивный процесс становления наук о природе, поэтому понятие “природа” становится в этот период ключевым. Всеобъемлющий характер понятия природа с очевидностью выступает в том факте, что ряд греческих терминов, игравших первостепенную роль в науке и философии в этот период были всего лишь отдельными аспектами этой категории. Это такие понятия, как первоначало, элемент, сущность, возникновение, сила и т.д. Поэтому не следует удивляться тому факту, что самые различные по своему содержанию сочинения древних мыслителей — Анаксимандра и Анаксимена, Ксенофонта и Гераклита, Парменида и Зенона, Эмпедокла и Анаксагора — обозначались одним и тем же родовым понятием: это были сочинения “О природе”. Сочинения о возникновении, развитии и структуре всего сущего — от человека до космоса в целом. В своих ссылках на натурфилософов VI-V вв. до н.э. Аристотель называл их “физиками” или “физиологами” или же теми, кто рассуждал о природе.

Ранняя греческая наука о “природе” была единой, нерасчлененной, синкретичной. Именно на эту черту, как на основную черту греческой философии и естествознания, обратил внимание Ф.Энгельс. В работе “Диалектика природы” он указывал, что если “греки еще не дошли до расчленения, до анализа природы, то она у них рассматривается в общем как одно целое”. Однако к началу IV века до н.э. существительное “природа” перестало быть только термином для научных трактатов или только медицинским термином, но и прочно вошло в обиходную речь. Этому в немалой степени способствовала просветительская деятельность софистов, риторическая практика Лисия, Горгия, Исократы и других ораторов, художественные творения Эврипида и античных комедиографов.

Обратимся к творчеству самых известных древнегреческих философов Платона и Аристотеля с тем, чтобы подробнее осветить их

взгляды на понятие “природа”. Для Аристотеля “природа” является одним из основных начал сущего, она есть начало вещей, существующих по природе. “По природе же, — говорит он, — существуют животные и части их, растения и простые тела, как-то: земля, огонь, вода, воздух” (9).

У Платона чаще встречаются те значения слова “природа”, которые связаны с “природой человека”. Это (как у Демокрита) — естественное предрасположение, природное свойство, одаренность. Далее, это (как у медиков) — телесная конституция человека. Различные типы душевного склада у Платона тоже обозначаются природой: “философская природа”, “тираническая природа”, “корыстолюбивая природа”.

Чрезвычайно интересным для анализа понятия “природа” является “Свод Гиппократов” — памятник медицинской литературы, относящийся к концу V - началу IV в. до н.э. В этом сборнике медицинских трактатов наиболее важным для нашей темы является трактат Гиппократов “О воздухах, водах и местностях”. Термин “природа” встречается в этом трактате 38 раз, причем удивляет многообразие значений этого термина. В наибольшем числе случаев “природа” используется автором трактата для обозначения психологического склада отдельного человека или группы людей (племени, народа). Под природой здесь понимается внутренняя конституция человека, отражающаяся на его внешнем облике. “Люди, живущие в этих местах, должны быть крепкими и сухими; большинство из них имеют утробу внизу твердую и крепкую, а сверху более пористую и изобилуют больше желчью, чем слизью. Головы имеют здоровые и твердые. Натуры подобного рода по необходимости хорошие едоки, но пьют немного” (10). В нескольких местах трактата понятие “природа” фигурирует в значении природа страны или местностей. Например, “Азия весьма отличается от Европы в отношении природы всего того, что произрастает из земли (а также) и людей”. И еще об Азии. “Понятно, что страна эта в отношении своей природы и умеренностью климата наиболее приближается к весне”. О скифах Гиппократ писал следующее: “... утробы у них наиболее влажные из всех; да и не может в самом деле живот осушиться в такой стране, при такой природе и таком состоянии времен года” (11). В самом конце трактата отмечается, что внешний вид и права людей большей частью отражают природу страны.

Значение термина природа в приведенных примерах приближается уже к нашему пониманию природы как естественной среды, в которой человек живет и с которой он взаимодействует.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч.- Т.42.-С.92.
2. Тейлор Б. Первобытная культура.- М.,1989.
3. Гегель Г. Философия религии.- М.,1975.- Т.1.- С.448.
4. Тейлор Б. Первобытная культура, с.213.
5. Там же, с.129.

6. Там же, с.130.
7. Итс Р. Шепот земли и Молчание неба: этнографические этюды о традиционных народных верованиях.- М.,1990.- С.80.
8. Там же.
9. Аристотель. Физика// Собр.соч. в 4-х тт.- М.,1975.- Т.II.- С.32.
10. Цит. по: Рожанский И. Развитие естествознания в эпоху античности.-М.,1979.- С.73.
11. Там же, с.77.

УКРАИНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Не делай земле зла — будешь жить в добре.

Без родной земли и в небе скучно.

Земле кланяйся низко — к хлебу будешь близко.

Много воды — не губи, мало воды — береги.

Хлеб — отец, вода — мать.

Земля без воды мертва, человек без семьи —
пустоцвет.

Украинское присловье

Желаешь иметь на небе свою звезду —
выкопай колодец или расчисти родник.

Посадил дерево — себя прославил, посадил сад —
род прославил.

Людмила ВОРОБЬЕВА

*Старший преподаватель
кафедры истории Казахстана
Кокшетауского пединститута
имени Чокана Валиханова
Эколого-краеведческий клуб “Горизонт”
Казахстан, г.Кокшетау*

“БЕЗ ПАМЯТИ РОДНИК ПЕРЕСЫХАЕТ”

Казахские народные обычаи по охране природы

Занимаясь экологическим воспитанием детей, все чаще обращаемся мы к богатому наследию народной педагогики. Многие воспитательные теории содержат в себе ядро народной мудрости. И конечно, прогрессивные национальные традиции семейного воспитания, включая экологические, заслуживают сегодня пристального внимания педагогов.

Природосообразность воспитания с древнейших времен была центром народной педагогики. Народ учил молодое поколение жить в природе, любить ее, ориентироваться в окружающей среде, знать приметы погоды, повадки животных и птиц. Вот как характеризует эти особенности казахского быта народный учитель Казахстана Ж.Ахметов: “Дети, вырастая на просторе и приволье степей, хотя и не имели книжных сведений об окружающем их мире, никогда не чувствовали себя гостями в природе, и даже в самые темные ночи находили нужные им направления по звездам и другим природным ориентирам. С малых лет они обладали острым слухом, зорким глазом, наблюдательностью, знали о том, какая будет погода, какие животные, травы им встречаются в степи, мастерски ловили птиц и метко стреляли... Они были прекрасными знатоками

Койшигулова Александра, 3 "в" класс. *Истоки, речка*

привычек и повадок домашних животных и в шести-семилетнем возрасте бывали смелыми наездниками...”

В самом близком контакте с природой, растениями, животными дети включались в трудовой процесс. К пяти годам они кормили домашних животных и птиц, поливали растения и цветы. В 10-15 лет дети уже работали вместе со взрослыми.

Т.У. Сарсенбаева пишет, что в каждой казахской семье ребенка с детства приучали к труду: “В 5 лет он должен был уметь взобраться и сесть в седло лошади, в 7-8 — участвовать в скачках, в 14-15 — считался уже наездником. Дети привлекались к скотоводческому и бытовому труду, к домашним промыслам... Дети помогали изготавливать из овечьей шерсти войлок и кошму для покрытия юрт, из конского волоса плели обувь, посуду, одежду”.

Именно из любви к окружающему, из внимательных наблюдений складывались в семьях экологические основы быта. И.Оширбеков пишет: “Почти в каждом казахском доме и сейчас можно увидеть яркие войлочные ковры на полу и расшитые тускизы на стенах. Они придают жилищу казахов национальный колорит. Домашние промыслы и художественное ремесло казахского народа зародились в глубокой древности. Предметы быта кочевников скотоводов богато украшались орнаментом. Обычно изображались луна, звезды, солнце, геометрические фигуры, стилизованные листья, цветы, бараний рог. Было высоко развито искусство резьбы по дереву с изображением животных, птиц”.

Изучая фольклор казахского народа, мы узнаем много замечательных примеров заботливого отношения к природе. Вот, например, сказки, ведь именно они по жанровым особенностям становятся первыми учебниками жизни в семье. Зачастую главными персонажами в них выступают животные, что связано с условиями материальной жизни общества. В образе очеловеченных домашних животных народ в аллегорической форме высмеивает и осуждает людские пороки и недостатки. Любовь к животным воспитывают сказки, в которых животные выступают помощниками человека. Со сказки о цветке, о зайце начинают завязываться отношения между ребенком и животворящей природой. Еще не повидав зайца, ребенок знает о его существовании и о том, что с ним можно дружить. Малыш учится с помощью родителей любить окружающий мир, стремится ему помочь.

Казахский народ является творцом замечательных эпосов, воспевающих родной край и воспитывающих любовь к нему.

А сколько прекрасных легенд создано народом о явлениях природы, о животных и птицах. Десятки таких легенд, созданных в нашей области (о Кокшетау, Сырымбете, Бурабае), не оставляют равнодушными ни взрослых, ни детей.

В пословицах и поговорках множество сравнений — приемов воспитания детей с природными процессами: “Даже в истоптанной траве

расцветают цветы”, “Дерево, что росло согнутым в течение тридцати лет, не может быть выпрямлено в один год”. “Человек тверже камня, но нежнее розы”.

Народ удивительно верно подметил значение среды в воспитании: “Одна дыня рядом с другой меняет свой цвет”, “Привяжи лошадь с ослом, если она не научится у него реветь, научится бить копытами”, и часто природные задатки ребенка сопоставляются с условиями мира природы: “Ворону барыней воспитали, а она каркать перестала”, “Соловей может вырасти в вороньем гнезде, но каркать не научится”.

В системе народного воспитания большое значение имели широко применявшиеся загадки. Уже семи-восьмилетние дети загадывали и отгадывали загадки о растительности, животном мире родного края: “Выше дома, меньше яйца, горше перца, слаще молока. (Абрикосовое дерево, его плоды в зрелом и зеленом виде)”. Мальшам поручали отгадывать загадки типа: “В стаде сто овец и коз, сколько ног и ушей?”

Многие народные афоризмы воспитывают в человеке стремление быть здоровым: “Первое богатство — здоровье”. Было понимание и того, что чистый воздух — важнейший элемент здоровья: “Лучше дышать чистым воздухом, чем пить лекарства”. Отдается должное воде и солнцу: “Дом, в который входит солнце, доктору можно не посещать”. Достоинно внимания и отрицательное отношение народа к курению: “Кто курит, у того горят нутро и деньги”.

Богатейшим источником экологического воспитания были музыка и песни.

Любопытны национальные обычаи ухода за новорожденными. Сразу после рождения ребенка купают в подогретой воде, куда кладут кусочки соли, глины со стены, скорлупу от яйца, серебряные кольца или монеты, так как по преданию все это имеет магическую силу и способствует тому, чтобы ребенок был крепким и здоровым. Комочек земли, например, символизировал богатство, достаток, здоровье и счастье.

У детей и взрослых экологическое воспитание строилось на чувственном восприятии окружающей среды. Дети, работая со взрослыми в поле, огороде и саду, собирая в лесу ягоды и лекарственные травы, знакомились со свойствами разных деревьев и растений. Они хорошо различали лекарственные растения, знали их применение.

Многое сегодня мы можем почерпнуть из богатейшего наследия казахской народной педагогики.

Немало сделал для изучения и пропаганды казахских народных традиций по охране природы преподаватель Жамбылского пединститута М.С.Сарыбеков. Вот несколько рассказанных им древнейших обычаев.

“У моих предков, живших в долине речки Жыланды, у отрогов Каратау была прекрасная, эмоционально красивая, нравственно совершенная традиция по охране родников и ручьев родного края.

В день рождения младенца, если это совпадало с весенне-летними и осенними сезонами года, почтенный аксакал аула на заре уезжал в горы. Там он в ущельях и на склонах холмов отыскивал родник, во многих случаях засыхающий, захламленный, затоптанный и заброшенный. С большим трудом очищал его, приводил окружающую местность в порядок, если время года позволяло, то сажал молодые саженцы и чубуки вокруг родника... Затем всем аулом охраняли этот родник, не допускали водопоя скота. Ежегодно весной коллективно очищали его, обрезали саженцы.

Проходило пять лет. Родник усилиями старших жителей превращался в полноводный ручей. Вокруг него и далее по берегам росли крепкие пятилетние деревца. Так создавался наслаждающий человека микроклимат. И тогда самый почтенный аксакал аула, громогласно объявив общеаульный той, велел родителям пятилетнего ребенка вести его к роднику. Весь аул приглашался на той.

На берегу родника аксакал, посадив ребенка на правое колено, изучающе смотря на жителей, говорил: “Дорогой и золотой мой сын (или дочь)! В день твоего рождения мы очистили и озеленили этот родник. Ему я присвоил твое имя. Так родился природный твой близнец. Пять лет мы строго охраняем его, не допуская здесь водопоя скота. Ежегодно мы очищаем его от грязи, весной обрезаем кусты на его берегах. Благодаря коллективному труду жителей аула твой родник превратился в полноводный ручей. Его берега утопают в зелени. Здесь создан здоровый микроклимат. Водой твоего родника, теперь уже ручейка, мы поливаем огороды и сады. На специально отведенном участке воду твоего ручейка уже пьет скот твоего аула. Его воду мы используем в питьевых и бытовых целях. Вот сколько радости, счастья и пользы приносит аулу твой природный близнец...”

Тебе уже пять лет, ты уже все понимаешь. Пора тебе брать на себя заботу о своем роднике. По тому, как ты будешь к нему относиться, мы будем судить о твоем человеческом достоинстве. Этот родник твоей чести и совести. Будь здоров, живи долго, желаю счастья...”

Поцеловав ребенка, принародно объявив его полноправным членом аульной семьи, аксакал отпускал его. Затем ребенок попадал в объятия всего аула. Здесь уже начинался той. Люди угощались национальными кушаньями, коллективно пели и танцевали, организовывали национальные игры, состязались акыны и жирау. Всем было весело и радостно. Люди аула сплачивались и объединялись, лучше понимая друг друга. Причиной и нравственной основой радости были рождение и рост ребенка и его природного близнеца — родника, ставшего полноводным ручьем. Вот таково нравственное значение этой народной традиции по охране малых водных источников.

— За долгую жизнь, — утверждает Н.С. Сарыбеков, — я видел многочисленные следы сознательного человеческого труда по охране земли. Старые овраги, обвалы и оползни горных склонов и берегов рек почти

повсеместно по нижним краям обсажены многолетними деревьями, обгорожены толстыми кольями, стволами деревьев и прутьями. Эта древняя неписаная история заботы наших предков о земле без всякого крикливого назидания сохраняет традицию передачи заботы о природе нынешнему молодому поколению.

Забота о живой природе в крови каждого казаха. Она передается от поколения поколению. Южные казахи зимою в честь рождения младенца ранней зарей уезжают в горные ущелья. Там они находят обессиленных от бескормицы и глубокого снега зверя или птицу. Ловят их, привозят домой. В доме их вместе с домашним скотом и птицей хорошо кормят, бережно за ними ухаживают. Такое содержание в зимний период обессиленных зверей и птиц является прямым спасением их от смерти в результате голода и холода, потому что на юге Казахстана, в предгорьях, зима суровая, с глубоким снежным покровом, продолжительной стужей...

В конце марта или в начале апреля, когда природа начинает просыпаться от зимней спячки, когда земля прогревается солнечным теплом, покрывается молодой зеленой травой и подснежниками, почтенный аксакал поднимается на возвышенность рядом с аулом. Он берет с собой спасенных птицу или зверя. Приглашает на холм всех односельчан, родителей новорожденного с их младенцем.

Аксакал говорит: “Это мой балапан (птенец — каз.), дорогие односельчане, этой зимой мы в честь рождения нашего младенца спасли вольного дикаря природы. Сегодня выпускаю его в самостоятельную жизнь, желаю нашему балапану здоровья, любви к простору, неистощимой жизненной силы, доброты во имя нас и природы...”

Затем он выпускает зверя или птицу на волю. Аул долго наблюдает за бегом зверя или полетом птицы. Такой почет, по-настоящему заботливое отношение к природе запоминается на всю жизнь. Здесь уже сама практика любви и бережного отношения к природе без всякого словесного объяснения формирует настоящего природоохранителя.

Охрана гнезд, особенно гнезд ласточек, голубей и синиц, у казахов считается святым делом. Любой сельский житель Казахстана строго соблюдает эту народную традицию. Разорение гнезд понимается как разорение очага человека.

Есть народная традиция мирного соседства людей даже с ядовитыми змеями. Например, если сельский житель знает, что в трещинах дома, на скотном дворе, между камнями огорода имеются гнезда ядовитых змей, то прежде всего он старается найти с ними общий язык. Для этого он на ночь рядом с предполагаемыми гнездами змей ставит блюдце с молоком. То, что молоко — это самая святая и дорогая пища для людей, знает каждый. Плошка с молоком должна показать змее, что человек, делясь с ней самой дорогой пищей, предлагает ей дружбу.

Подобные примеры можно множить и множить, они подтверждают мысль о том, что традиции казахской народной педагогики — надежный стержень в экологическом воспитании подрастающего поколения.

Общественный благотворительный Фонд технической поддержки неправительственных организаций Центральной Азии “XXI век” имеет честь предложить качественное и быстрое выполнение издательских и полиграфических работ в рамках действующего проекта “Бюро технической поддержки НПО Казахстана и Средней Азии”.

Проект начат в феврале 1996 года и рассчитан на оказание помощи неправительственным организациям Центральной Азии в изготовлении и тиражировании книг, вестников, сборников, журналов, бюллетеней и проч.

Специалисты Фонда изготовят для Вас качественно и оперативно:

- компьютерный набор и верстку оригинал-макетов Ваших материалов текста с корректурой и редактированием;
- сканирование и обработку графических изображений и фотографий, текста;
- печать подготовленных материалов тиражом от 50 экземпляров и более.

Кроме того, мы можем изготовить для Вас визитки, бэджи, пригласительные билеты с ламинированием поверхности, блокноты для конференций, круглых столов, семинаров с Вашей символикой, переплести материалы с помощью пластиковых пружин и пластинок, а также термопереплетных обложек.

Наш адрес:

**Республика Казахстан,
г. Алматы, пр. Желтоқсан, 12
(в здании рекламного агентства “Бағдар”, 3-й этаж)
Телефон (3272) 32 34 16
E-mail: alex@xxi.almaty.kz**

Людмила ВОРОБЬЕВА

**“КАК НЕ ВЕРИТЬ НАМ В МИЛОСТЬ
ПРИРОДЫ-ТВОРЦА...”**

1995 год был годом юбилея — 150-летия со дня рождения великого Абая Кунанбаева. В разных аспектах отражалось его творчество. “Казахстанская правда” публиковала его мудрые наиздания, литературоведы напомнили о высоком патриотическом пафосе его творчества, историки — о гражданском величии поэта. Отдавая должное всем его заслугам, мы обращаем внимание наших читателей на тонкое восприятие Абаем природы, любовное лицезрение им красоты родного края, мудрое, бережное отношение к ней.

Абая считают мастером пейзажной лирики. Его представления о прекрасном исключают искусственность и внешне показную красоту. Поэт искал и находил прекрасное в самой природе. Он тонко и верно чувствовал красоту суровой степной осени и благодатного лета. Народная поэзия казахов не знала до Абая таких ярких реалистических пейзажей, какие созданы поэтом в его стихотворениях об охоте (“По первой пороше охотник с беркутом выходит на охоту”) и летнем кочевье (“Лето”).

Абай впервые в казахской письменной литературе создает произведения о временах года. В описании природы Абай ничего не придумывал, ничего не преувеличивал. Он созерцал природу, и под его пером каждая картина становилась прекрасной, была полна неотразимой поэзией.

В стихотворении “Лето” Абай создает живописное описание аула на джайляу. Природа и человек в стихотворении сливаются в одно целое, взаимодействуют. Перекочевка на джайляу является читателю как отрезок жизни казаха с заботами и трудом кочевника. В пейзаже аула появляются фигуры табунщиков, пастухов, ребят, охотников, все они действуют, живут.

На всем описании лежит яркий национальный колорит. Джайляу

узнаешь по обильным травам, расцветенным распускающимся подснежником, полноводной реке, по вспархивающим то там, то здесь гусям, уткам и, конечно, по конскому косяку. Но что больше всего характеризует этот пейзаж, как национальный, казахский — это остропоэтическое ощущение пробудившейся и сохранившей свою живительную силу природы в предгорьях, когда в степи июльское солнце уже выжгло травы. Тщательно выписанные Абаем кобылицы, жеребята, льнущие к ним, скачущие, резвящиеся определяют своеобразие пейзажа, его содержание, его национальную форму.

Реалистический пейзаж получил дальнейшее развитие в последующих стихах об осени, зиме, весне. В стихах “Осень”, “Октябрь с ноябрем — эти два месяца”, “Зима” все ярче проявляет себя реалистическое мастерство Абая. Поэт проникновеннее воспринимает закономерности природы и ее явлений. Поэтическое видение природы, суровой в условиях степи, у Абая не вызывает страха или растерянности. Он рисует картины степи и аула, в которых изображается человек, находящий в себе силы противостоять такой губительной для кочевого скотоводства стихии, как джут.

Творческой зрелостью отмечены картины природы и аульного быта в стихах об осени и зиме. Абаевские строки об осени — самобытное разрешение темы времен года. Степь осенью, ее унылый пейзаж становятся темой Абая, согретой величайшим гуманизмом поэта, чувством человека, жизнь которого так же связана с обнажившимися ветви деревьями и иссохшими кустарниками (“деревья и кустарники стоят, растеряв листья, точно нищие старухи и старики”), как и с весенне-летней зеленью, цветами (“нет былой зелени, нет цветов”).

У казаха-кочевника в прошлом был свой годичный круг занятий. Он определял отношение человека к природе в различные времена года. Это отношение закономерно входило и в лирические пейзажи Абая. Читая стихи об осени, вы видите вместе с поэтом нависшие над степью свинцово-серые облака (“серые холодные облака заволокли небо”). На вас веет холодом. И вместе с автором вы останавливаете взгляд на неприглядной картине аула. Поэт рисует в этом стихотворении жизнь бедноты: одни дубят кожу, другие чинят ветхую одежду, иные кладут заплаты на юрты. Уж не слышно смеха, не видно игр, развлечений. Даже собаки, не найдя пищи в ауле, заняты ловлей мышей.

Абай как подлинный художник умеет и в этой скованной стужей картине показать жизнь, движение. Он знает, что жизнь не может остановиться, человек, животные, птицы — все обитают в предначертанных природой заботах и делах. Абай рисует в выси стаи птиц, потянувшиеся на юг, а на дороге — караван верблюдов: это хозяева отправились в аулы, где сеют хлеб, за мукой.

Зимние картины степи (стихотворение “Зима”, 1888 г.) типичны для казахского общества второй половины XIX века. Зима для скотовода-кочевника страшна вьюгой, метелями, буранами. Она губительна джutom.

В зимних сценах Абай центральное место уделяет труженику-казаху. Его глазами поэт смотрит на природу. Вот пастух в дубленом полушубке повернулся спиной к ветру. Стужа пронизывает его до костей. А вот и пастухи конских табунов. День и ночь они в тревоге. Ледяная кора сковала землю, животные не находят корма. Голодные волки подкарауливают голодных коней. Одни только дети могут резвиться, пока мороз не защиплет им нос и щеки. Образ Мороза у Абая народен по своей природе. Он величествен и страшен, как страшна для человека стихия, особенно когда он бессилён объяснить ее явления. И все же Абай показывает, что человек может бороться со стихией, не должен поддаваться ей.

Цикл произведений о временах года завершает стихотворение «Весна» (1890 г.). Изображая весеннее пробуждение природы, Абай охвачен радостным чувством. Его переживания от красоты и величия природы близки переживаниям аульчан, весна для которых — пора передышки после тяжелых осенне-зимних месяцев, время надежд на милости природы и начало нового трудового цикла. Поэт не ищет в природе сокровенного, тайного смысла. В ее живом поэтическом созерцании он видит народное понимание красоты и жизни. Свои художественные средства Абай черпает из сокровищницы казахского фольклора. В народном восприятии весна прекрасна оживающей природой, надеждой на ее щедрость. Такие детали национального пейзажа весны, как цветущие травы и деревья, переплетаются с описанием дождя, поверхности озера, подернутого рябью легкого ласкающего ветра — признаков жизни, радости. Ведь со всем этим также связаны заботы и надежды труженика-кочевника. Начинается перекочевка, выгон скота на пастбища.

Как не верить нам в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?
Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца.

Мыслями о единении природы и человека проникнута поэзия Абая. В этой гармонии — залог будущего человека.

Егорова Ксения, 3 "в" класс. *Кустик*

Абай

ЛЕТО

Лето — солнечная пора!
В тучных, в шелковых травах степь
От душистых цветов пестра.
К полноводной реке аул
На кочевье пришел с утра.
Слышно ржанье коней в траве,
Как в лесу, их найдешь не вдруг:
Тяжко дышащих кобылиц
В воду с гиком загнал пастух;
Бьют хвостами они себя,
Отгоняют докучных мух;
К матерям жеребята льнут
Или скачут, резвясь, вокруг;
Стаи уток и лебедей
Осеняют крыльями луг...
Ставят девушки юрты; смех
На лукавых губах подруг;
Четких, плавных движений ритм
И мелькание белых рук...
Скот на пастбищах оглядев,
Успокоясь, помолодев,
Возвращается бай в аул,—
Армак его резв и сух.
Гости в юрту его сошлись,
Бьет ключом из сабы кумыс.
Остроумие в их кругу
Возбуждает кумысный дух.
И, наученный пастухом,
Мальчик к матери пристаёт,
Просит мясо и хнычет вслух.
Здесь не чувствуется жары;
Бай откинулся на ковры,
Над его самоваром — пар,

Словно облачка белый пух.
Бай кивком одобряет речь,
Говорить не желая вслух;
Но кивку его, лебезя,
Вмиг поддакивает весь круг.
С палкой, в белой рубашке, сед,
Аксакал издали спешит.
Он кричит: “Поверни стада!
Сторонись, не пыли, пастух!”
Может, баю придет каприз
Пригласить к себе на кумыс
Раболепнейшего из слуг.
Вот табунщики на лихих
Необъезженных вороных:
Утром сели они в седло,
А теперь уже день потух.
Вот охотники вдоль реки
По вечерним лугам спешат,
С каждым — сокол, как верный друг.
Ловкий хищник уходит ввысь
И разит — и седых гусей
Гонит вдаль от него испуг...
Аксакала томит недуг;
Жизнь прошла, не вернешь назад;
Байским шуткам издалека
Вторит старческим смехом он.
Только бай к его смеху глух...

ОСЕНЬ

Тучи серые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок.
То ль от сытости, то ль, чтоб согреться, резвясь,
Стригунка догоняет в степи стригунок.

Ни травы, ни тюльпанов. И всюду затих
Звонкий гомон детей, смех ребят молодых.
И деревья, как нищие старцы, стоят
Оголенные, листьев лишившись своих.

Кожу бычьую, овечью в кадушках дубят.
Чинят шубы и стеганый старый халат.
Молодухи латают дырявые юрты,
А старухи неделями нитки сучат.

Косяком потянулись на юг журавли.
Караваны верблюдов под ними прошли,
И в аулах — уныние и тишина,
А над степью осенней — одни ковыли.

Дуют ветры, становится все холодней,
Стужа мучает и стариков и детей.
Псы голодные ловят мышей полевых,
Не найдя, как бывало, объедков, костей.

Ветер пыль поднимает — над степью черно.
Осень, сыро. Но так уже заведено —
Плох обычай! — нельзя разжигать очаги,
В наших юртах теперь неуютно, темно.

* * *

Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Бай держит стадо далеко от своего двора.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, ткет чекмень, от холода дрожа.

И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло;
А старикам — совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

* * *

Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка —
Благодари скорей его, семью его и род.
Пускай над степью снеговой буран гремит опять,
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять.
И батрачонок целый день обязан быть при нем
И со слезами на глазах ублюдка забавлять.
Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?

А если даст кусок — гляди, длинна у бая плеть.
Трудись, бедняк, проклятый долг сторицей возврати,
Ведь баю — жить, и богатеть, тебе — в могиле тлеть.

Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь!
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет, с омраченным челом,
Он, скрипучий, шагает зимой снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед,
От дыханья его — стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли — нахмуренный вид;
Головою тряхнет — скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюд,
И тогда шестистворная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щеки им злою рукой;
В чапане, в полушубке дубленом пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лед,
И голодный табун еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк — приспешник зимы.
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун,
Не поспав — не умрешь, надо быть посмелей!
Все же лучше, чем волк, Кондыбай и Конай!
Деду мы не дадим пировать среди степей!

¹ Соседние аулы, с которыми соперничал род Тобыкты

ВЕСНА

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Все живое обласкано солнцем степным,
Словно мать и отец, рада наша земля.

И смеется и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам ищи — не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всем толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовет,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встает,
Мотыльки — над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом озерке и пруду
Тронь осоку — и лебедь пойдет в высоту.
Скачешь — смотришь, как спущенный сокол ручной
Из-под облака лебеда бьет на лету.
Возвращаешься — девушка крикнет: “Постой,
Покажи, что добыл, человек молодой!..”

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных низинах гремят соловьи,
И кукушки им отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец;
Тяжек труд земледельческий — вспашка, посев,
Но земля все ж сторицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам, в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озерах по заводям — крик лебедей.

В полночь — яркие звезды, большая луна.
Как же им не гореть, если полночь темна?
Но померкнут они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звезд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь зимою земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела и расцвела.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой.
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой закатный веселый шатер золотой.

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

От земли взят, землей кормлюсь, в землю пойду.

Добра мать до своих детей,
а земля — до всех людей.

Корми, как земля кормит,
учи, как земля учит,
люби, как земля любит.

Мать сыра земля излечит лучше всякого знахаря
и за леку не возьмет.

Кого Мать сыра земля полюбит,
тот голоден не будет.

Где кончается вода, кончается и земля.

Лес да вода поле красит.

Лес по дереву не плачет, а по поросли сохнет.

Плод дерева ешь, а коры не подсекай.

Алмагуль ЖУМАБАЕВА

Казахстан, г. Алматы

АКЫН ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

Памяти Максима Зверева

Среди славных имен писателей-натуралистов нам, алматинцам, особенно дорого имя Максима Дмитриевича Зверева — знатока животного мира Казахстана, одного из основателей Алматинского зоопарка, перу которого принадлежат полезнейшие и увлекательнейшие книги для детей и взрослых о жизни братьев наших меньших.

Биолог по образованию, кандидат наук, доцент Казахского и Томского университетов, автор 156 книг, изданных в 12 странах, Максим Зверев не был “кабинетным ученым”. Всю свою долгую (почти столетнюю) интересную жизнь этот на редкость любознательный человек провел в тесном общении с природой. Более того, он буквально вырос в ней, с детства наблюдая, изучая окружающий мир, накапливая богатейший материал, который благодаря его писательскому таланту стал доступен всем и является бесценным вкладом в краеведение и естествознание.

Республиканская газета “Экокурьер”, в которой Зверев до последних дней был ведущим клуба “Егерский кордон”, писала: “Живой, умный талант, великолепное знание окружающего мира позволили ему сегодня встать в один ряд с корифеями жанра — М. Пришвиным, Д. Дарреллом, Э. Сетон-Томпсоном. И разве не справедливо, что именно этому человеку, живущему в гармонии с природой, терпеливо призывающему к этому всех нас, она открыла волшебный источник жизненного и творческого долголетия”.

История этой взаимной любви человека и природы начиналась в далеком детстве, в самом начале двадцатого века. Семья Зверевых жила тогда на заимке* около города Барнаула.

“Домик летнего типа был окружен березовым лесом. Там было много грибов и земляники. Напротив, через овраг, шумел бор купца Куратова. Аромат сосен ветерок приносил на веранду. С нее открывалась даль заливных лугов Оби. Величавая спокойная река текла около самого соснового леса, который тянулся вдоль крутого левого берега. Басистые гудки белоснежных пассажирских пароходов будили тишину над зеркальной водой...”

Рано утром и вечером из-за реки доносился хор птичьих голосов - кукование, крики коростелей, пение соловьев, овсянок-дубровников и множества других птиц...”

Казалось бы, ничем не отличался от других мальчишек будущий натуралист: вместе слушали пение птиц, играли в индейцев в лесу, купались до посинения и удили до темноты. И проказничал Максим не меньше других. Но уже тогда он учился различать голоса птиц и читать “Книгу посетителей” — следы животных, “отметившихся” за ночь у палатки.

Благодаря своей наблюдательности и неиссякаемому интересу к жизни, он подмечал то, чего не видели другие. Этот дар закономерно привел к началу писательской деятельности.

Ведь мало увидеть самому, нужно уметь описать для других. Как и все произведения Зверева, первый в его жизни рассказ, написанный в восьмилетнем возрасте, повествует о том, что он видел своими глазами, о тех событиях, в которых сам участвовал. Правда, проба пера была неудачной, и все-таки это было начало.

Тогда отец впервые взял мальчика на охоту, что для Максима было настоящим приключением и, конечно, поразило его живое воображение. Вот как Максим Дмитриевич вспоминает о том волнующем дне: “Хорошо запомнилось, как утром я сидел с отцом в скрадке на берегу разлива. В небе пели жаворонки. Над разливом кружились чайки, кувыркались в воздухе чибисы. Отец называл мне птиц.

Пара лебедей, розоватых от лучей низкого утреннего солнца, неожиданно зазвенела крыльями над головами.

— Стреляй, стреляй! — закричал я, впервые охваченный азартом.

Но отец только улынулся в бороду:

— Лебедей нельзя стрелять! Старики говорят, что это грех, а мы, охотники, бережем этих красивых птиц. Их остается все меньше...

Через несколько дней у меня вдруг появилось желание написать для самого себя об этой охоте. В ученической тетради в линейку крупными буквами на нескольких страницах я впервые в жизни написал “рассказ” и показал отцу. Он пришел в ужас от огромного количества ошибок.

* Заимка — земельный участок, занятый по праву первого владения, обычно вдали от пахотных земель.

Поправки красным карандашом разукрасили не только каждую страницу, но и каждую строку.

— Как же ты думаешь держать экзамен в реальное училище? Ведь ты же прилично писал диктанты!

Мое “произведение” огорчило родителей, и я с негодованием уничтожил тетрадь.

Только много лет спустя мне стало понятно, почему я тогда сделал столько ошибок. Я так увлекся переживаниями этой охоты и возможностью впервые изложить на бумаге свои мысли, что совершенно забыл о существовании твердого знака, буквы “ять” и знаков препинания. Но, несмотря на то, что мне уже девяносто лет, подробности моей первой охоты припоминаются до сих пор, вероятно, потому, что были записаны и таким образом закрепились в памяти. Однако желание писать у меня отбито было надолго, а огненные после красного отцовского карандаша страницы стоят перед моими глазами и по сей день!”

Потом Максиму не раз приходилось бывать на охоте и охотиться самому. Но, если вначале его влекло к природе через мушку ружья и поплавок удилица, вскоре “это сменилось на всю жизнь стремлением к изучению природы и ее охране”.

Во многом утверждению и становлению Максима как писателя-натуралиста способствовал отец. Как гордился мальчик своей первой скворешней, хотя, в основном, ее смастерил Дмитрий Иванович! Причем скворешня была первой в Барнауле. Понятия “Охрана природы” тогда просто не существовало: богатства Земли казались неисчислимыми — бери и не задумывайся!

“Даже известный натуралист дореволюционной России М. Богданов в своих книгах “Мирские захребетники” и “Родная природа” писал, как надо ловить птиц, а одна из глав называлась “По гнезда, по яйца!”. Дети разоряли гнезда, и даже взрослые лодками увозили яйца диких уток и чаек. Сегодня это кажется невероятным, когда столько внимания уделяется охране природы!” (Отметим, что написано это еще во времена Советской власти — прим. ред).

Первые уроки непотребительского отношения к природе были преподаны мальчику отцом. Хотя Дмитрий Иванович сам был охотником и даже подарил сыну ружье, он же учил Максима относиться к природе разумно, щадяще.

И это бережное отношение к живому миру М. Зверев пронес через всю жизнь. Рано проявившиеся задатки натуралиста определили в дальнейшем его особое, удивительно человеческое видение и понимание животных, к которым многие относятся, в лучшем случае, равнодушно и не находят ничего трагичного в насильственной смерти живого существа, обладающего пусть примитивным (хотя лично мне это определение не кажется беспспорным), но разумом!

...Помню, как чудесным образом оживали для меня четвероногие

герои из рассказов Зверева “Ребятам о зверятах”, о которых в учебниках читала скучные лаконичные сведения: вид - подвид, класс — окрас, среда обитания — рацион питания.

Я плакала над трогательной, почти человеческой драмой коня Чубарого и даже не вспоминала в тот миг, что это “жвачное копытное, широко используемое людьми как гужевого транспорт”.

... А полная поэзии история о беркуте, этом крупном хищнике из отряда пернатых”!...

И разве думаешь о том, сколько стоит сейчас на валютном рынке шкура снежного барса, когда, читая об этом звере у Зверева, вместе с автором с замиранием сердца любишь грациозными прыжками этого “кровожадного млекопитающего”!

А помните рысь — “героиню” одного из рассказов, как она сбежала из зоопарка и пряталась на дереве, надолго взбудоражив алматинцев, впервые вдруг почувствовавших близость живой природы.

Старики помнят, а молодым нужно рассказать, как начинался Алматинский зоопарк — ведь это тоже наша история. Да еще какая интересная!

Максим Дмитриевич к тому времени уже был известен в ученом мире. Ему предложили работу в Московском зоопарке. Не успел приехать в столицу — новое неожиданное предложение: “Сегодня же поезжай в Алма-Ату и помоги там открыть зоопарк, всего на пару месяцев!”

Все свершилось так быстро, что Звереву не осталось времени на размышления. Энергичный профессор Петр Александрович Мантейфель, под началом которого собирался работать Максим Дмитриевич, сразу повел его показывать зверей, которых Московский зоопарк выделил для алматинского, а вечером того же дня Зверев вместе с командированным в Москву казахстанским зоологом Толебаевым уехал в Алма-Ату. И... завертелось!

“Зеленый южный город произвел на меня, сибиряка, большое впечатление. А знакомая работа увлекла. Несколько бригад рабочих сносили дома с отведенных под зоопарк тридцати двух гектаров фруктовых садов. На соседних улицах строились новые дома для переселяемых жильцов. Быстрыми темпами возводилось большое зимнее помещение, строились вольеры, клетки для хищных зверей. Начали прибывать вагоны с животными из Москвы, Ленинграда, Аскании-Новы и Ташкента.

К седьмому ноября 1937 года зоопарк был открыт. А я так и остался в нем работать заведующим научной частью: Казахстан стал моей второй родиной...

Алматинский зоопарк находился в ведении главного управления заповедников и зоопарков при Совнарком Каз.ССР. К 1941 году он достиг своего расцвета. Каждой секцией заведовал научный сотрудник, ему помогал зоотехник. Велась большая исследовательская работа. Результаты публиковались во многих научных сборниках и за рубежом. Вышел

первый том трудов зоопарка. В Алма-Ате проводили исследования более десяти институтов. Студенты собирали материалы для дипломных работ. Мастерские наглядных пособий изготавливали чучела и другие экспонаты, аквариумы и клетки. В городе открыли большой магазин по продаже экзотических рыбок и попугайчиков, разводимых в зоопарке. Зооэкспозиция ездила по городам Казахстана и Западной Сибири и одна почти окупала все расходы зоопарка, поскольку он был на хозрасчете. Многих животных мы ловили сами”.

Сейчас, когда порой не хватает денег даже на прокорм животных в том же зоопарке, читаешь эти строчки М.Д. Зверева, и кажется, что это и было светлое будущее, когда было возможно осуществление таких больших планов.

Именно сегодня, когда мы постепенно приходим к экологическому самосознанию, лучшими учебниками для начинающих натуралистов, безусловно, являются книги мастера и корифея в этой области Максима Дмитриевича Зверева.

Он много писал о заповедниках, о тяжелом, порой опасном труде егерей, в большинстве своем безвестных подвижников охраны природы. Для кого-то это было обычной работой, а ведь во многом благодаря им сохранились редкие виды животных когда-то богатейшей фауны Казахстана! С риском для жизни охотились они на браконьеров среди горных круч, по узким звериным тропам, выслеживали их по непролазным зарослям и болотистым ущельям в любую погоду, днем и ночью.

А когда собирались, обессиленные, у костра, благодарная природа гасила их гнев, обволакивая своим свежим благоуханным дыханием. И оттаивали душой суровые ее стражи. И вот уже журчит неторопливая беседа, звучат рассказы лесных людей, один занимательней другого. Только успевай записывать. Что и делал М. Зверев, долгое время проработавший бок о бок с этими интересными людьми. Особенно часто он упоминает в своих книгах о старшем егере Мартыне Павловиче Петренко. 25 лет прослужили они вместе в Алма-Атинском заповеднике, в охотничьих хозяйствах. Так что о заповедниках Зверев знает не понаслышке, как, впрочем, о многом, что касается охраны природы. Поэтому ученый с полным правом и знанием дела говорит о проблемах заповедного дела в своих трудах.

В наши дни эта тема наиболее актуальна. Еще одна цитата из “Экокурьера” от 1 апреля 1995 года: “Рассматривая государственные заповедники в качестве объектов охраны природы, нельзя забывать о их ценном эстетическом и воспитательном значении как для наших современников, так и для грядущих поколений. А отсюда вытекает историческая ценность таких резерватов”.

Много полезного, интересного и таинственного мы узнаем из уст таких добрых лесовиков-сказителей, как Максим Зверев, учимся не только любить, но и беречь и уважать родную природу. Если лев — царь зверей,

то Зверев для меня — отец зверей, который малого детеныша не обидит, а наоборот, всю жизнь животных защищает и людям об их трудах рассказывает.

И пусть читают эти мудрые книги наши внуки и дети их детей и завидуют нам, жившим в один временной отрезок с этим необыкновенным человеком, Учителем, добрым волшебником моего теперь далекого, но, несомненно, счастливого детства, которому я мысленно отвожу самое почетное у казахов место — тор среди писателей-натуралистов, кланяюсь ему до земли, не раз воспетой им не хуже любого акына. Прочтите хоть один из рассказов М.Д.Зверева, и вы поймете, что мир природы стоит того, чтобы мы сэкономили его для своих же детей. (Эта старая аксиома в нашей стране почему-то еще требует доказательств).

Мне не хочется прощаться с Максимом Дмитриевичем.

Ценность человеческой жизни несомненна, но, если она к тому же целиком отдана служению полезному для человечества делу, имя ей — Бессмертие.

ГУЦУЛЬСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Землю грех бить, она весь мир живит.

ДАТСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

С одной липы — дважды лыка не дерут

Лес — божья пазуха.

Ольга ГУМИРОВА

*Руководитель детско-юношеского
пресс-центра республиканской
детской газеты “Дружные ребята”,
Казахстан, г. Алматы*

ДЕВОЧКА И НЕБО

Жила-была девочка. У девочки были река, село, дом, мама, папа, братик, бабушка и дерево.

Когда родители уходили на работу, девочка с бабушкой оставались дома. Девочка забиралась на вершину дерева и смотрела в небо, а бабушка стояла внизу, запрокинув вверх голову и просила рассказать, что там она видит.

Это было давно. Семья девочки вскоре уехала из села в город, потому что у родителей не было работы. Дом продали. Дерево кто-то срубил.

Бабушка осталась в селе.

Девочка выросла. И хотя у нее в городе не было своего дерева, она не перестала смотреть в небо и сочинять разные истории. А чтобы не забыть их, девочка стала эти истории записывать.

Однажды девочка пришла в редакцию детской газеты “Дружные ребята” и принесла листочки бумаги, исписанные мелким неровным почерком. Так мир узнал, что в городе живет талантливая девочка, которую зовут Жанар Кусаинова. Это было два года назад.

В этом году Жанар закончила школу и поступила на факультет журналистики КазГНУ.

В этом году она приняла участие в открытом конкурсе “Независимое видео” фонда Сорос-Казахстан и попала в число претендентов на съемки собственного видеофильма.

Ей надо было приготовить обычную сценарную заявку. Получилось три замечательных новеллы. О чем? О потерянной родине — о реке, о селе, о бабушке и дереве, с которого она смотрела в небо.

Жанар КУСАИНОВА

*Нештатный корреспондент
республиканской газеты “Дружные ребята”,
студентка 1-го курса факультета журналистики
Казахского государственного национального
университета имени аль-Фараби*

**ДОЛИНА СЧАСТЬЯ,
или
ТРИ НОВЕЛЛЫ О ПОТЕРЯННОЙ РОДИНЕ**

**Новелла первая
РЕКА ЖИЗНИ**

Когда я была маленькой, я жила в селе Кемертурган*. Село это стоит на берегу реки Кыргаулды.

Помню, бабушка говорила:

— Наша река — как жизнь. Такая же бесконечная, бурная, сильная. А мы все, как капли в реке, несемся в сумасшедшем потоке. И каждый из нас нужен. И каждый из нас важен. Все мы, живые, имеем в сердце жизнь. Жизни этой в нас — малая капля. Но если люди собираются вместе, то они сильными становятся. Это, как капли воды собираются и образуют поток. А все потому, что жизнь в нас — вода. Вода — основа всего...

Когда-то наша река была широкой, вброд не перейти. А теперь смотри, река мельчает. Значит, и мы мельчаем.

Теперь очень важно быть вместе. Вместе мы спасемся от нашего предательства...

Помню, я тогда очень испугалась:

— От какого предательства, бабушка?!

Бабушка горько вздохнула:

— Предаем мы свою реку. Предаем землю свою. И поплатимся за это. Запомни, внучка, место, где есть жизнь — святое. Вся земля наша святая, потому что на ней есть жизнь. Помни, святое место надо беречь, помни...

* Село Кемертурган Алматинской области расположено в 15 км к западу от Алматы

Новелла вторая ДОЛИНА СЧАСТЬЯ

Говорят, дети во всем видят только доброе и веселое.

Говорят, что детям эта прекрасная способность дарована за то, что их души чисты и невинны. Потому что дети не знают зла и не умеют творить его.

Когда мне было лет пять-шесть, мы жили в одном маленьком селе. Особенно отчетливо я помню луг рядом с нашей улицей.

Луг... Услышав это слово, вы сразу, наверное, представили себе луг зеленый, душистый, весь в цветах.

Быть может, где-то есть такие луга. А в нашем селе луг был завален ржавым мусором, заставлен сломанными машинами, тракторами и прочим металлоломом.

Если честно, то мы, дети, очень любили этот луг и радовались, что к нам привозят эти старые машины! Почему? А потому что мы не знали, каким должен быть настоящий луг, и потому что мы играли в этих ржавых тракторах и машинах. У каждого из нас там был свой собственный комбайн или “Запорожец”, или еще какая-нибудь развалина, которые казались нам сказочными таинственными замками.

Так что для нас, детей, луг был как ни странно, Долиной счастья, потому что здесь не было взрослых людей с их вечными подзатыльниками, а были принцы и принцессы, замки и рыцари и много-много ярко-оранжевых от ржавчины, необычайно красивых железок.

Мне тоже нравилось здесь играть. Я приходила домой испачканная ржавчиной, но очень счастливая. Так продолжалось довольно долго, пока однажды меня едва не убила одна из этих машин.

Это случилось в самый обычный день. В это утро я, как всегда, сломя голову помчалась на луг к любимым тракторам и увидела, как под аккомпанемент грохота и лязга на наш луг выгружают новую машину. Посмотреть на нее сбежались все мои друзья.

Это был экскаватор. Он был самым большим из всех машин, не считая обломков подъемного крана. Мы восхищенно осмотрели его и его ковш.

Мальчишки и девчонки решили, что здесь, на экскаваторе, будут праздноваться победы мальчишек и устраиваться балы для девочек. А так как я была самой маленькой, то ковш подарили мне.

Мои друзья долго играли с новой игрушкой. Когда она им надоела, убежали на речку купаться. А я осталась. Мне не хотелось вылезать из своего нового убежища. Я сначала играла с куклами, а потом уснула.

Разбудил меня зловещий скрежет. В страхе я открыла глаза и увидела, что злобные челюсти ковша вот-вот сомкнутся.

Я испугалась: вдруг останусь здесь навсегда и задохнусь.

И в этот миг словно какая-то пружина выпрыгнула во мне. Я

выпрыгнула из ковша, порвав платье. Но осталась жива! Челюсти ковша, язгнув, сомкнулись.

Я посмотрела на экскаватор, и тогда мой новый замок показался мне уродом, а все машины — ржавые и брошенные — врагами. Одинокими, обиженными и озлобленными. Они были, как сторожевые псы, которых люди выгнали из дому на смерть.

Я подумала тогда, что экскаватор хотел отомстить за себя и своих друзей, он хотел съесть меня, дитя человека, за то, что люди бросили его и таких, как он, умирать.

Больше я на этот луг не ходила. Лишь однажды я пришла сюда с бабушкой. Мы остановились у моста через речку Кыргаулды. Дальше я боялась идти. Мы долго молча смотрели на ржавые машины. А потом бабушка с горечью в голосе сказала:

— Когда-то на этом месте был прекрасный луг. На нем чабаны пасли скот и росли цветы. А люди, что они сделали с этим лугом?! Когда я говорю им, что свою землю надо беречь, что нельзя убивать траву и цветы, потому что и в них есть душа, и наши души живы, потому что живы цветы и трава... Они смеются надо мной! Смотри, внучка, сколько душ на этом лугу загубили...

Я тогда не смогла понять ее. Ее слова показались мне странными. И только много лет спустя мне открылся смысл ее загадочных слов.

Помню, как взрослые ругались с председателем хозяйства, требуя, чтобы он очистил луг.

— Тебе недорого наша земля! — кричали они ему.

— Уезжай к себе в город.

Прошло время, я не знаю, что именно сделал этот председатель, но люди перестали с ним ругаться.

... А потом, в поисках лучшей жизни, уехала в город наша семья. Машины остались на лугу... Как памятники... чему или кому?

Новелла третья ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

В этот день было очень холодно. На дворе стояла осень, сентябрь. Мама собрала вещи в чемоданы, мы стали все это грузить в грузовик. Грузовик нетерпеливо ворчал, он торопился в путь и не знал, что нам было очень тяжело уезжать отсюда.

Мой братишка собирал свои игрушки в коробку. Рядом с ним стояли наши друзья и смотрели на наши сборы. Наверно, им тогда не верилось, что мы уедем. Они взяли у братишки по одной игрушке на память. Потом все куда-то убежали и вернулись к нам через несколько минут, в их руках был узелок. Когда они его развязали, чтобы показать нам, что в нем, то в нем оказались яблоки.

— Это вам на дорогу, — сказал Ринат.

— Давайте пойдем погуляем напоследок! Ведь вы уезжаете, — неуверенно предложила нам с братом Соня, и мы согласились.

Мы прошли мимо дома, его ставни были заколочены.

— Помните, здесь жил Аскар с Мадиной? Они тоже уехали, — сказала Майя и посмотрела на нас с братом.

— Сейчас все уезжают... — вздохнул кто-то из мальчишек.

Потом мы пошли к реке. Река, как всегда, бурлила и бежала куда-то вперед, по только ей известному пути, как будто ничего и не произошло. А нам, малышам, казалось тогда, что реке тоже грустно, как и нам. А, может быть, так было и на самом деле?

Падали листья, дул ветер. Это грустила осень. Все вокруг вдруг оказалось серым и печальным и почему-то очень дорогим.

Дул ветер, хлопали дверцами ржавые машины, улетали на юг птицы.

— Им везет, они хотя бы вернутся со своего проклятого юга... А вы? — вздохнула Соня и отвернулась. Соня всегда отворачивалась, когда ей хотелось плакать.

— Ладно. Пойдемте домой. А то мама с папой ждут, — мужественно решил братишка. И все с ним согласились.

Мы шли домой. Ринат рассказывал что-то, мы слушали, а я вспоминала бабушкины слова о реке: “Неужели, если мы уедем, река станет мельче? Нам же нельзя уезжать!”

Мы вернулись. Олжас (мой братишка) стал играть с мальчиками. А я решила пойти за куклой. Во дворе лежала наша собака, она грустила, глядя на нас. Думаю, она понимала, что мы уезжаем...

Я вошла в комнату. В ней было пусто и неуютно, как будто никто в этой комнате никогда не жил. Мои родители стояли у окна и разговаривали.

— Милый мой! Не надо так. Пойми, мы уезжаем, чтобы детям нашим было хорошо. Нам нужно поставить их на ноги...

— Ты права, конечно, права... Но здесь наш сад, здесь я родился и вырос, здесь все наше. Понимаешь, все родное. Эх, это село мне в кровь вошло, не знаю, смогу ли я там, в городе, без него теперь жить.

— Ты должен, ведь у нас дети. Мы должны дать им образование...

— Мы уезжаем... Все что ты говоришь, конечно, правильно... Но я чувствую себя предателем. Не знаю, почему у меня такое чувство, как будто от меня кусок отрезают ржавым ножом. Наверное потому, что мы уезжаем.

Они увидели меня.

— Дочка, иди поиграй, — попросила мама.

Моя мама стояла у распахнутого окна. Ветер дул, и ее волосы развевались словно волны на ветру.

Отец подошел к ней и обнял ее за плечи. Они стояли вместе там, у раскрытого окна, ветер дул и трепал их волосы. Они смотрели на моего братика и молчали.

— Эй, собирайтесь! Мы едем! — крикнул отец. Его голос был таким необычным... Казалось, что еще чуть-чуть и он сломается.

Мы с братиком послушно залезли в грузовик. Отец сел за руль. Все смотрели на нас. Соня отвернулась, ее плечики тихо дрожали... Майя уронила цветок и растерянно смотрела на нас. Ринат смотрел с суровой печалью и вдруг замахал руками.

— До свиданья! — Его слова подхватили.

А мама, обнимавшая нас, грустно улыбалась. Ее плечи укрывал плащ, мой брат накрылся им, и я тоже. Мы втроем под одним плащом сидели на грузовике, и грузовик выезжал в распахнутые ворота.

Потом он мчался по улице, как будто стремился быстрее уехать отсюда. Вслед нам махали ветвями деревьев нашего сада, качаясь от ветра. За машиной бежали наши друзья и кричали:

— Возвращайтесь к нам в село! Когда-нибудь и у нас будет хорошая жизнь!

А впереди всех бежала наша собака и лаяла...

Я плакала, а мама мне закрыла глаза ладонью. Ей хотелось, чтобы я больше не видела печальных лиц моих друзей. Мои слезы текли по ее пальцам. Сквозь ее пальцы просвечивало теплое, доброе солнце, которое вдруг вышло на небо. Дул ветер, он гнал куда-то в неизвестные дали перекати-поле.

Я вспомнила слова бабушки:

— Когда человек вынужден уезжать из родных мест, он похож на перекати-поле. Такой же слабый, одинокий и хрупкий. Он бежит, не зная, где окончится его путь.

Мой братик смотрел на небо и о чем-то думал, пытаясь спастись от невыносимой грусти.

...Мы уехали. Нам было тяжело привыкнуть к городу. А отец рассказывал, что по ночам ему снится шум нашей реки и запах земли, родной земли... Он выходил курить по ночам, пытался успокоиться, но все время приходившая в его сон память о родном селе не давала ему уснуть...

Надежда ЛОМОВА

*преподаватель отделения
изобразительного искусства
Классической гимназии искусств № 46
Казахстан, г. Алматы*

ДЕТИ РИСУЮТ ПРИРОДУ...

На страницах Вестника мы представляем детские рисунки. Их авторы — учащиеся Классической гимназии искусств № 46, отделения изобразительного искусства. Занятия изобразительным искусством предоставляют нашим ребятам серьезную возможность знакомства с прекрасным, овладения секретами мастерства. Частью программы обучения навыкам рисования является близкое общение с природой, особенно во время обязательной летней практики — пленэра, то есть работы на открытом воздухе. Именно здесь, на природе, полнее воспринимаются детьми гармония и красота — ведущие источники вдохновения.

Природа — лучший учитель во все времена, как верно подметил поэт:

...Не создавай все заново, о нет!..

Самой природе, если ты поэт,

Как подмастерье мастеру, доверься.

(Николай Доризо)

А дети так доверчивы и чутки к проявлениям прекрасного. Оттого так смелы и неожиданны их работы, так ярки и свежи впечатления.

“Одни только дети знают, чего ищут”, — сказал Экзюпери устами Маленького принца. Это верно, дети видят мир по-своему, своим внутренним взором, или “зорким сердцем”. Травы и деревья, птицы и насекомые — разнообразные проявления жизни в детских рисунках — передают картину целостного восприятия мира, доверчивого интереса ко всему живому. По-детски наивные композиции можно собрать под одним названием: “От орла до муравья — все вокруг мои друзья”.

Творчество — прекрасный процесс созидания и вдохновенного труда. А тот, кто творит сам, не может быть разрушителем. Из такого созерцательного общения с природой, хочется надеяться, рождается в детской душе бережно-охранительное отношение к ней.

Как нетрудно обидеть цветок,
Что с надеждой глядит на восток...
...Раскрывает он смело уста,
Как доверчива ты, красота...
(Глеб Горбовский)

Среди представленных рисунков только два принадлежат старшей школьнице. Автор их, Минова Диана, нарисовала “Мировое дерево” и пейзаж с кустарниками в Аксайском ущелье в экологическом лагере “Зеленого спасения”*. В них серьезный пытливый взгляд и тщательность исполнения, характерные для этой старательной ученицы.

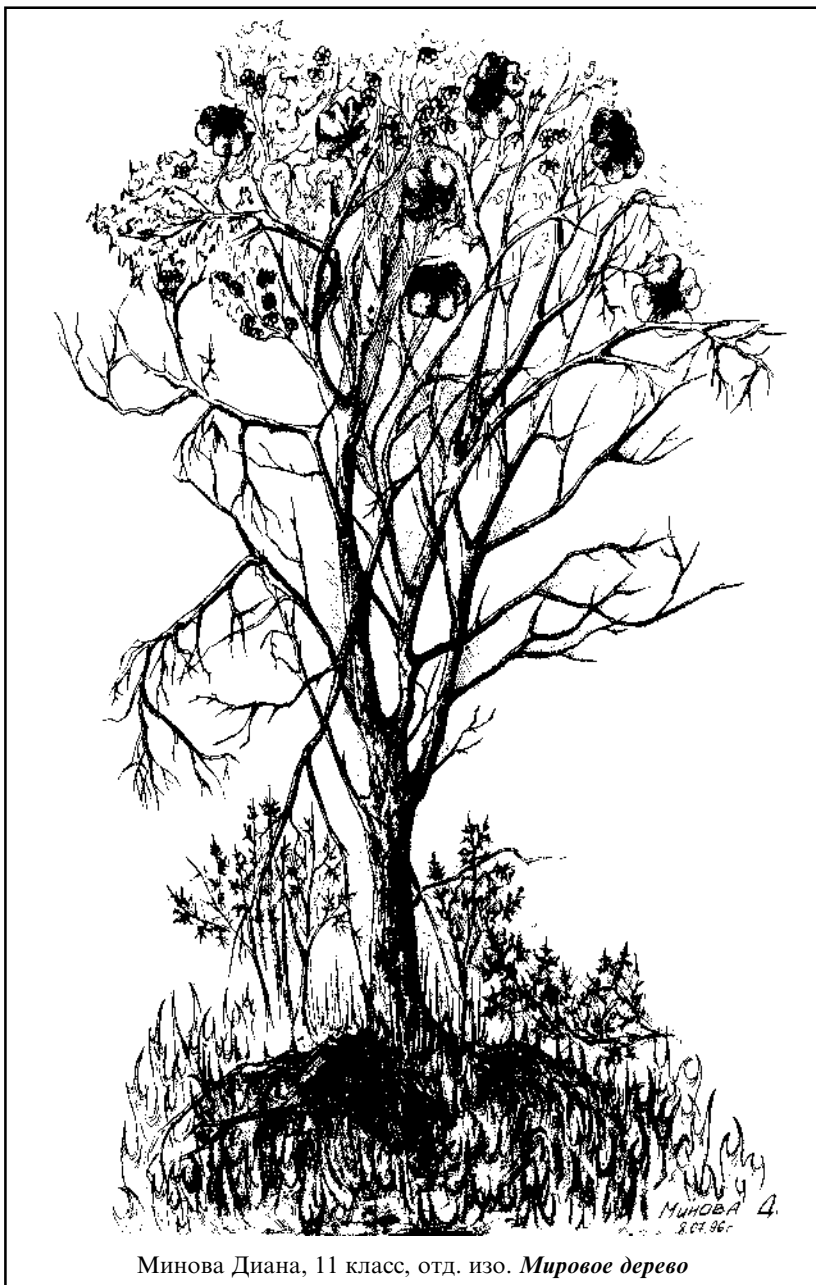
Другие работы принадлежат ребятам 3-х, 5-х классов. С детской непосредственностью выполнены третьеклассницей Мариной Васильевой яркие, цветные “Коровки”. Парящий над ущельем гордо орел Степы Лапина, живо снуют труженики-муравьи Демеховой Марины, ученицы 5-го класса. А трепетный “Кустик” Егоровой Ксюши, пробивающийся среди камней у подножия гор, передает волю к жизни. Так, наблюдая живую природу и разнообразие ее проявлений, дети приобщаются к огромному чуду, называемому жизнью.

Свежесть и острота восприятия мира, желание запечатлеть его нежные и хрупкие детали, по-своему передать его сложность и многообразие присущи этим детским рисункам.

Мне бы очень хотелось, чтобы наши дети как можно раньше поняли смысл замечательных поэтических строк Николая Доризо:

Нам понятней теперь год от года,
Что с природою надо дружить.
Ведь без нас прожила бы природа,
Без нее мы не можем прожить.

* Материал о работе экологического лагеря “Муравейник” читайте в Вестнике, посвященном национальным паркам.

Минова Диана, 11 класс, отд. изо. *Мировое дерево*

Демехова Марина, 5 "в" класс. *Муравьишки*

Сергей КУРАТОВ

ОЧАРОВАННЫЙ “КАЛИПСО”

В мире найдется немало кораблей, ставших неотъемлемой частью судьбы их капитанов и по праву разделивших с ними славу. Легендарный “Арго” Ясона, флагман Колумба “Санта-Мария”, корабль-полярник Ф.Нансена “Фрам”, “Ра” и плот “Кон-Тики” Т.Хейердала. Можно продолжить этот славный список, но он будет неполным без скромной труженицы “Калипсо”, которая сорок пять лет бороздила моря и океаны вместе с капитаном Жаком-Ивом Кусто, разделяя с ним и его командой радости и печали. Корабль-научная лаборатория, корабль-кинолаборатория и киногогерой, корабль-дом, корабль-компаньон, корабль-нимфа, корабль, связавший неразрывной нитью прошлое, настоящее и будущее.

ТРАГЕДИЯ

Днем 8 января 1996 года в Сингапуре затонул знаменитый корабль капитана Жака-Ива Кусто “Калипсо”. Это короткое сообщение как гром среди ясного неба поразило соратников Кусто и мгновенно разнеслось по всему миру. Специальный выпуск журнала с символическим названием “Бортовой журнал “Калипсо” сообщил подробности катастрофы.

Произошло непредвиденное. По неизвестной причине причальная баржа, к которой была пришвартована “Калипсо”, сорвалась со своего постоянного места стоянки и начала самопроизвольно дрейфовать к берегу. Главный механик “Калипсо” Марк ле Каворзин в 3 часа дня заметил, что корабль стал слегка крениться на левый борт. Он выскочил на капитанский мостик и понял всю сложность ситуации. Причальная баржа отбуксировала “Калипсо” в сторону и вытолкнула ее на затонувшую

баржу. Возникла опасность, что швартовочные тумбы затонувшей баржи прорежут днище “Калипсо”.

Марк позвал рабочих с соседней верфи, и вместе они попытались изменить ситуацию, но все попытки были напрасны. Скоро начался отлив, днище “Калипсо” затрещало и проломилось. Вода хлынула в машинное отделение корабля. Марк начал откачивать воду помпами, но вода прибывала быстрее, чем они ее откачивали. “Калипсо”, пережившая на своем веку сильнейшие штормы, аварии, плававшая в арктических морях и “ревущих сороковых”, тонула на его глазах. Помпы замедляли исход драмы, но “Калипсо” кренится все больше и больше, пока не легла на дно под углом в 70 градусов. Марк спас корабельные документы и перешел в док. Через несколько минут в Париже в офисе Кусто раздался звонок: “Калипсо” затонула!!!”

На это печальное известие откликнулись многие активисты “Общества Кусто”, добровольцы, ветераны “Калипсо”, для которых вид ее затопленной палубы пробуждал воспоминания юности, проведенной в приключениях в далеком море. Уже на следующий день прибыли специалисты, готовые помочь в подъеме корабля и его ремонте. Вскоре начались спасательные работы. Под корпусом “Калипсо” проложили восемь тоннелей и протаскили толстые тросы. Один из самых мощных в мире плавучих кранов грузоподъемностью в 1800 тонн будет поднимать корабль. С корабля снимают различное оборудование, чтобы облегчить его вес: вертолетную площадку, антенны, специальное подводное снаряжение.

Утром 24 января приходит, наконец, первая хорошая новость. Мощные краны подняли “Калипсо” со дна, пробоина на днище временно заделана, вода из трюмов откачана, “Калипсо” вновь на плаву, первая наиболее трудная стадия спасательных работ закончена.

ИСТОРИЯ

Корабль был построен в 1942 году в Сиэтле, в США. Шла война, США и Англия вели ожесточенную битву за Атлантику с Германией, на Тихом океане США практически один на один сражались с Японией. Потери союзников были огромны, нужны были новые и новые корабли, чтобы занять место погибших. Корабль с бортовым номером J-826, таким было первое имя “Калипсо”, строился как минный тральщик и имел деревянный корпус. Старые фотографии запечатлели церемонию спуска на воду J-826: американская школьница разбивает о его борт, по морскому обычаю, бутылку шампанского, и еще один рядовой корабль-боек уходит в море. Позже корабль был продан Англии для несения службы в Средиземном море.

Закончилась война, и корабль приобрел мирную профессию. Он был переоборудован в паром, совершавший рейсы между островами Мальта и Гоцо. Последний был известен в древности под именем Огигия, где, согласно поэме Гомера “Одиссея”, обитала нимфа Калипсо. В течение семи лет удерживала она своими чарами отважного героя, пытаясь влюбить Одиссея в себя и заставить его забыть о родной Итаке. Так родилось новое имя минного тральщика, и бездушный бортовой номер J-826 был заменен на поэтическое имя нимфы.

В 1950 году происходит историческое событие, Кусто с помощью богатого английского филантропа приобретает корабль и становится капитаном, сбывается его давнишняя мечта. Так происходит встреча Кусто и “Калипсо”, имя понравилось, и его решили оставить. “Калипсо” переоборудуется под океанографическое судно, и зимой 1951 года начинается его одиссея. Первый же выход корабля в море в новом качестве ознаменовался сильным штормом. Сколько раз на своем веку ему придется противостоять стихии!

“Калипсо”, зарываясь носом в волны, качаясь из стороны в сторону, мужественно выдерживает натиск бури в Средиземном море и проливе Дрейка. Буквально шаг за шагом она пробирается в лабиринте рифов коралловых атоллов Полинезии. Возле берегов Антарктиды во время шторма ледяная глыба пробивает корпус на 70 сантиметров выше ватерлинии. Ветер со скоростью 180 километров в час обрушивает на корабль тонны снега, превращая его в искусственный айсберг. От ударов волн и свиста ветра корпус “Калипсо” гудит и издает какие-то невнятные звуки, и порой кажется, что она имеет душу.

Сохранить корабль было трудно, и поэтому первоначально Кусто ищет выгодные контракты на проведение научных и исследовательских работ, корабль сам зарабатывает на жизнь. Иногда, когда денег все-таки не хватает, их приходится занимать. Кусто удается получить контракт на разведку нефти в Персидском заливе. Несколько месяцев “Калипсо” ведет поиск, пробуриваются 400 скважин, нефть найдена. В 1952 году Кусто организует подводные археологические раскопки останков античного корабля возле Марсея. Корабль становится экспериментальной площадкой для испытания новейшего оборудования. За три года аквалангисты делают 10000 погружений, тысячи амфор подняты со дна. Кусто можно по праву назвать отцом подводной археологии, а “Калипсо” флагманом подводной археологии. В 1954 и 1955 годах в Индийском океане и Средиземном море Кусто снимает фильм “В мире безмолвия”, за который в 1956 году он получает своего первого Оскара, приз Американской академии киноискусства, и Пальмовую ветвь Каннского кинофестиваля. Затем следуют экспедиции на Антильские острова, в Красное море в 1963 году, на Мальдивские и Галапагосские острова, в Исландию, Калифорнию и Аляску. В 1965 году снимается новый фильм — “Мир без солнца”, принесший Кусто 3-го Оскара. На “Калипсо” испытываются установки

подводного телевидения, кинокамеры для подводных съемок, фотоаппаратура.

“Калипсо” и Кусто везде вместе, всегда неразлучны. Многие кадры фильмов запечатлели жизнь на корабле — это прежде всего ежедневный напряженный труд. Подготовка к экспедициям, профилактический ремонт, долгие многодневные плавания, стоянки в районах исследования, тщательная проверка оборудования перед погружением, подводные съемки, сбор научной информации, ее первичная обработка, съемки с воздуха, непредвиденные поломки и постоянное оснащение и переоборудование корабля новыми приборами и техническими средствами.

Порой, как вспоминает Кусто, эта бесконечная суeta настолько тяготила, что хотелось все бросить. Но человек — везде человек. На дне моря, в трюме затонувшего корабля, найдены ящики с вином, и на корабле веселье, торжественный обед, шутки, песни. Подводный живописец рисует картины скрытого от взоров людей мира, и на палубе идет обсуждение его творений знатоками из команды. На корабле выросли дети и стали членами команды, продолжателями дела отца. На корабле царит взаимопонимание людей, увлеченных одним делом. Корабль — это маленькая планета, где Кусто создал свой неповторимый мир, живущий в гармонии с природой, и потому меланхолия не частый гость на борту “Калипсо”.

Но чем больше Кусто и его команда накапливают знаний о подводном мире, тем меньше у них остается сомнений в том, что океану, этой колыбели жизни, угрожает загрязнение и разрушение его экосистем в результате человеческой деятельности. Ни далеким островам Полинезии, ни холодным морям Арктики, ни высокогорным озерам Анд не удалось избежать воздействия человека. Осознав это, Кусто резко меняет направление своей деятельности и всю свою жизнь. Из рьяного исследователя океана он превращается в его ревностного защитника, он ставит перед собой новую цель — защитить все живое от грозящей гибели. Его сын Филипп Кусто начинает съемки сериала “Оазис в космосе”, посвященного живой планете Земля. В 1973 году Кусто создает Фонд Кусто с целью спасения жизни на планете Земля. Все чаще и чаще “Калипсо” держит курс на экологически неблагополучные районы мира. Бухта атолла Трук — тяжелое экологическое наследие войны. Амазония — наступление человека на побережье реки и уникальные экосистемы тропических лесов. Атолл Моруроа — ядерный полигон Франции в Тихом океане. Везде Кусто обнаруживает следы человеческого безумия. В 1979 году происходит трагедия: во время очередной экспедиции погибает младший сын Кусто Филипп. Эту трагедию Кусто воспринял очень тяжело. Одно время он даже хотел прекратить свою дальнейшую деятельность, но важность поставленной цели позволила преодолеть тяжесть утраты сына, единомышленника и ближайшего соратника.

В конце восьмидесятых — начале девяностых годов рождается идея новых сериалов: “Команда Кусто заново открывает мир” и “Досье Фонда Кусто”. Заново открыть мир, когда тебе уже 75 лет, отказаться от многих представлений, с которыми жил прежде, для этого надо иметь настоящее мужество и большую душу. И вновь верная “Калипсо” ремонтируется и переоборудуется в сухом доке, одна из самых тяжелых процедур для команды и Кусто. В 1987 она, обновленная, выходит в море, но теперь уже не одна, а вместе с “Альсионой”, новым кораблем, построенным Кусто и управляемым старшим сыном Кусто Жаном-Мишелем.

“КАЛИПСО-2”

Судьба “Калипсо” — своеобразный символ истории человечества двадцатого века. Корабль, построенный для военных целей в эпоху, когда воинственный инстинкт человека подавлял голос разума, стал после войны мирным тружеником. В эпоху научно-технической революции “Калипсо” становится научной лабораторией и, наконец, кораблем, защищающим жизнь в конце века, когда человечество начинает понемногу осознавать непреходящую высшую ценность жизни и место человека среди живых существ, населяющих планету.

За 45 лет плаваний “Калипсо” стала для Кусто большим, чем просто научным инструментом. Она стала неотъемлемой частью его самого, его жизни и любимого им моря. С трудом можно представить “Калипсо” и Кусто друг без друга. В обращении к читателям “Бортового журнала “Калипсо” Кусто называет “Калипсо” своим компаньоном, своей нимфой. Трагедия “Калипсо” не сломила капитана, а, наоборот, вызвала еще большую решимость действовать.

Повреждения корпуса “Калипсо” оказались настолько серьезны, что восстановить в полной мере ее мореходные качества, необходимые для океанских плаваний, невозможно. Но Кусто намерен вернуть “Калипсо” к жизни, сделав ее своеобразным музеем и учебным центром, свидетелем собственных достижений, местом учебы всех молодых людей, которые хотят понять мир океана.

Одновременно Кусто хочет построить “Калипсо-2” и как можно быстрее ввести его в строй. Уже заключены контракты на строительство, уже сделаны чертежи нового корабля. Кусто планирует, что “Калипсо-2” выйдет в море в 1997 году. “Калипсо-2” станет “самым дружественным природе кораблем” в мире, благодаря его комплексной двигательной системе, которая будет использовать новейший экономичный двигатель и силу ветра. Снабженный научными лабораториями, многочисленными приспособлениями для исследования воздуха, подводного мира (такими, как камера в носовой части корабля, вертолет, маневренная подводная лодка, гидроплан и т.д.) 66-метровый корабль будет иметь достаточно

места для 36-ти пассажиров, включая 15 членов команды. Плюс ко всему, корабль будет оснащен комнатой для монтажа фильмов, фотолабораторией, спутниковой системой связи и многими другими видами оборудования.

Корабль для грядущих поколений “Калипсо-2” будет “держать руку на пульсе планеты”, обладая способностью собирать и передавать в любую точку земного шара важнейшие сведения о состоянии нашей планеты. Он будет обеспечивать общественность и политических лидеров независимой информацией об экологических проблемах.

Легенда и жизнь смешались воедино. Нимфа Калипсо очень хотела удержать попавшего к ней на остров Одиссея, которого она полюбила, но, подчиняясь воле Зевса, была вынуждена его отпустить. Наша “Калипсо” создала своего Одиссея и навсегда связала с ним жизнь. И возможно, что скоро мы увидим новый фильм о возрожденной “Калипсо”, гордо плывущей в будущее с Одиссеем Кусто на капитанском мостике.

* * * * *

Для строительства “Калипсо-2” команда Кусто должна собрать 30 миллионов долларов. Капитан Кусто и его команда обращаются к великодушию всех людей доброй воли.

Участвуйте в постройке “Калипсо-2” — корабля, который действительно принадлежит людям всего мира. Помогите команде Кусто проложить курс в будущее!

Адрес “Общества Кусто”:
The Cousteau Society,
870 Greenbrier Circle, Suite 402, Chesapeake, Virginia, 23320.

При подготовке данного материалы использованы:

- материалы “Общества Кусто” (The Cousteau Society);
- фильмы сериала “Подводная одиссея команды Кусто”;
- статьи из журнала “Calypso Log”, April, 1996;

* * * * *

Жак-Ив КУСТО

СТРАТЕГИЯ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Calypso Log, April 1996, pp. 20-21.

Вода является жидкостью жизни. Это простое утверждение — результат многочисленных лабораторных исследований, недавних исследований солнечной системы и 50-ти лет подводных погружений в океанах, морях, озерах и реках всего мира. Великолепие жизни, ее ослепительное разнообразие породили глубокое благоговение перед каждым существом, в котором бьется пульс жизни, начиная с медузы и кончая человеческим существом.

Существование хрупко, но самостоятельно, и наш вид находится на переднем крае. Мотивом нашего существования является поддержание бесконечного и гармоничного развития жизни.

Сочетание невежества и алчности подрывает рациональное использование ресурсов нашей планеты, создает элиту спекулянтов, обнаруживает вопиющее неравенство между богатыми странами и соседствующими с ними огромными регионами, обреченными на бедность и голод. Один миллиард человеческих существ не имеет доступа ни к пригодной для питья воде, ни к основным санитарным удобствам, ни к образованию.

Наконец, несмотря на отношение глав государств к проблемам народонаселения, население мира достигнет 10 миллиардов человек в ближайшие 50 лет, что приведет к возникновению проблем, которые современное общество абсолютно неспособно решить.

Часто наши наиболее передовые технологии монополизуются во имя слепого роста, в ущерб качеству окружающей среды и разнообразию живых видов. Но преимущество понимания ситуации позволяет нам разработать стратегию будущего. Стремясь внести свой вклад в это жизненно важное дело, Общество Кусто планирует посвятить свою деятельность выполнению следующих программ:

1. Провозглашение прав будущих поколений, для чего мы уже собрали 9 миллионов подписей. Наш оригинальный текст, слегка доработанный юристами-международниками, был одобрен Исполнительным Комитетом ЮНЕСКО в ноябре 1995 года и будет представлен на голосование Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций в 1996.

2. Создание более чем 50-ти школ Кусто в России, Румынии, Германии, Франции и Центральной Америке и, начиная с 1996 года, создание коммуникационных путей для посвящения детей в будущее физического и социального мира, в котором они будут жить.

3. Распространение нового журнала “Cousteau Junior”, предназначенного для детей от 8 до 13 лет в Европе, Северной и Южной Америке, Японии и Корее.

4. Продолжение съемок сериала “Новое открытие мира”, который приглашает телезрителей всего мира знакомиться и оценивать различные экологические условия, в которых живут люди.

Мы также готовим серию теле- и радиопередач для молодежи совместно с журналом “Cousteau Junior”.

5. Создание и распространение новой экологии с целью расследовать внутренние скрытые причины загрязнения и разрушения природы. Теперь вопрос заключается не в поиске точных симптомов, но скорее в определении диагноза. Аспирин и бинты должны сочетаться с соответствующим социально-экономическим лечением.

6. Обучение экотехнике тех, от кого в будущем зависит принятие решений. Общество Кусто совместно с ЮНЕСКО разработало курс экотехники для университетского уровня, междисциплинарную подготовку для руководителей, позволяющую им предвидеть последствия их решений не только в ближайшем будущем, но также в среднесрочной, долгосрочной и сверхдолгосрочной перспективе. В этом плане мы уже создали академическую рабочую сеть, которая стала международной лабораторией экологических акций.

7. Сегодня социологи взволнованы общественным скептицизмом, который находит почву во всех странах. Власти, политические партии, средства массовой информации не пользуются больше доверием. Фото и звук так легко подделать. Накопление фактов (что само по себе соблазнительно) осуществляется в ущерб их пониманию. Необходимо установить климат доверия между обществом и руководителями. Люди не должны позволять тащить себя как мертвый балласт, они должны пробудиться, чтобы, как актеры, участвовать в удивительных перипетиях жизни человечества.

Менее чем за столетие население мира превысит уровень 10-12-ти миллиардов человек.

Ввиду кризисов, свидетелями которых мы все с вами являемся, приготовление к будущему не является обеспечением минимальных средств существования для всех наших потомков. Это касается их жизни, а не

просто выживания. Они должны жить достойно и получать радость от жизни. Мы должны позаботиться о том, чтобы каждому были обеспечены медицинское обслуживание, высокий уровень образования, приличное жилье, чистый воздух и вода, достаточное количество чистой энергии и, наконец, резерваты, где жизненно важное разнообразие животных и растений будет находиться под защитой.

Такая “стратегия будущего” требует социальных реформ, желания делиться и даже жертвовать, чтобы наша любовь к жизни и наша вера помогли решить проблемы демографического взрыва и избежать вражды, насилия или даже ужасного геноцида.

Не спрашивайте меня, что может сделать простой человек, поставленный перед необходимостью решать такую задачу?

Что может сделать организация, подобная Обществу Кусто, против имеющих прочные позиции экономических теорий? Будьте уверены, ничего, если мы позволим принимать решения, руководствуясь индивидуальными интересами. Но все возможно, если мы все будем верить и действовать.

Перевод Куратова С.

КИРГИЗСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Украшение земли — деревья,
украшение народа — скот.

УЗБЕКСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Вода — кровь дехканина,
земля — его душа.

Ольга ГУМИРОВА

ТРЕЩИНКИ НА АСФАЛЬТЕ

Говорят, дети — цветы жизни.

Для детей, выросших в городе, юнкор республиканской детской газеты "Дружные ребята" Ажар Сабралиева дала другое определение — трещинки на асфальте.

Их мир — это каменные джунгли, где вместо деревьев — фонари, а вместо травы — асфальт и бетон. Где цветы — за забором, на клумбе или в киоске — по 50 тенге штука, а воздух пахнет бензином.

Что могут знать эти дети о природе?

Как могут любить они то, чего не знают?

Как ни странно: и знают, и любят.

Синица, случайно залетевшая на балкон, для городских детей почти что синяя птица, символ счастья и надежды. Как голубь.

Зеленая полянка, чудом уцелевшая в затоптанном, заезженном машинами дворе, — целая зеленая планета.

А котенок или собака, вместе с которыми вырос, — это лучшие, самые верные друзья, опора в этой жизни.

Так, как жалеют зверей в клетках зоопарка городские дети, никто другой так жалеть не сможет...

...Чаще всего о природе в нашу газету пишут, как это ни странно, ...городские дети. И в заочной экологической школе "Отан" обучаются, в основном, городские мальчишки и девчонки.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Дети города, они все-таки цветы, хоть и выросшие на асфальте. А цветы, они были и остаются детьми природы.

Васильева Марина, 3 "в" класс. *Коровки*

Елана КУДИНОВА

“СПАСАТЕЛИ ДЕРЕВЬЕВ”

Каждый, наверное, мечтал кем-нибудь стать в будущем.

Все мои друзья хотели стать летчиками, учителями, врачами или же водителями.

Я же мечтала о профессии, никому не понятной — “защитник природы”, а точнее, я очень хотела стать помощником защитника... деревьев. Этого защитника деревьев звали Максимом. Он пользовался большим авторитетом у ребят и воспитателей в нашем детском садике. Все его действия, поступки отличались серьезностью. И вообще, в свои 5 лет он вел себя как взрослый. Ему и принадлежала идея организовать команду “Спасатели деревьев” из нескольких шумных, неугомонных ребят.

Сначала мы с криками, как подобает спасателям, бегали по детскому саду в поисках тряпочек -”бинтов”. Чудодейственную мазь из глины, компота, оставшегося с обеда, пары сосисок и еще чего-то очень вкусенького мы уже к тому времени приготовили. После, выслушав серьезную лекцию, как надо спасать братьев наших меньших с листьями, прочитанную нашим боссом, мы отправились искать деревья, которым требовалась помощь. Их оказалось немало.

А воспитатели не могли понять, что случилось с детьми. Ходят с серьезными лицами, как айболиты. В руках какие-то ленточки, тряпочки. И все деревья вокруг пестреют лоскутками, словно елки новогодние. А мы... мы ощущали себя Великими Спасателями.

ЧТО СНИТСЯ ЩЕНКУ?

Что снится этому крохотному пушистому комочку, что так доверчиво прильнул к моей руке розовым носиком и потешно вытянул все четыре лапки? Неужели его сны могут быть реальными? Наверное, нет. Щенок еще не открыл глазки и не видел этот огромный мир, в который он попал.

А сейчас ему снятся удивительные сны, похожие на сказки.

Вот носиком холодным ткнулся в теплое мамино брюшко, и снится ему, наверное, что попал он на пушистую, мягкую тучку, а может быть, и в царство воздуха, состоящее из волшебных островков-облаков. Все вокруг залито солнцем. И щенок раз! — и уже не щенок, а облачко. Малюсенькое, круглое, как пирожное.

А вот он пошевелил лапками. Может учиться... плавать в воздухе?

А сейчас он, хотите верьте, хотите нет, улыбнулся во сне и причмокнул, показав мне очаровательный перламутрово-розовый язычок.

Наверное, он уже из облачка чудесно превратился в каплю и попал... в целое озеро теплого вкусного молочка.

Щенок сладко зевнул и немного погода недовольно замолчал. Мой розовопузый малыш, ну что же тебе еще снится?

Жанар КУСАИНОВА

АНДРЕЙ И ГОЛУБИ

У меня есть сосед. Его зовут Андрей. Каждый день я с белой завистью смотрю, как он стоит на коньке крыши и свистит что есть силы. А вокруг него расцветают голуби. Кружась, они так похожи на маленькие воздушные корабли.

Андрей всех своих друзей, знакомых и весь мир, что окружает его, сравнивает с голубями. Он даже Наташу Ростову, отвечая на уроке, назвал белой голубкой и... получил за это “два”.

— Она нежная, чистая, невинная, простая, совсем как моя Маруся, — доказывал он мне после. — Ну, вспомни, когда Наташа попала на свой первый бал — она же была совсем как голубка, выпорхнувшая из голубятни, — счастливая, влюбленная. Ветер свежий, весенний. Хорошо как! И людей новых много... Наташа, она же и вправду, как Маруся. Ну посмотри же, посмотри, разве не похожа? — спросил он меня, подбрасывая голубку вверх.

Белый парус раскрылся в воздухе... и воздух, и ветер, и крылатая свобода... и зовущий свист двуногого друга по имени Человек. С его руки можно запросто поклевать просо, ему можно рассказать на своем голубином языке все тайны.

...Каждый день с белой завистью я смотрю, как на крыше своего дома свистит Андрей. Его рубашка раздувается парусом, и кажется, что у него крылья за спиной и сам он точно голубь...

— Ну, смотри же, неужели не видишь? Люди — они совсем как голуби!

Я смотрю, смотрю и не вижу этого. Может быть оттого, что я голубей и людей не люблю так сильно, как любит Андрей.

Я пишу сейчас эту заметку, а он свистит, свистит. А над ним в небе голуби.

ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ВОДА

Вода капает из крана. Она превратилась в барабан, маленькую девочку, мечтающую о подвигах: “Бумс! Бумс! Бумс!”

Словно неугомонный танцор, капли танцуют четкетку: “Чакс! Чакс! Чакс!”

Илларионова Тамила, 3 "в" класс. *Царство птиц*

Под краном стоит чашка. Вода капает в нее. Капля летит, разбивается о гладь воды, и ее брызги-осколки, разлетевшись в стороны, складываются вновь в таинственном узоре.

Кап! — маленький космонавт-капля падает мне в руку. В моей ладони маленький глаз веселенькой вселенной. Мы смотрим друг на друга... И я ему улыбаюсь.

Кап! В дом вбегает босоногий малыш. Он грязный и веселый, совсем как веселенькая вселенная. Ему, пузатому королю всего мира, хочется пить. Малыш поиграл и поэтому очень устал. “Пи-и-ить! Пить! Пить!” — просит он и жадно хватает чашку. Еще секунда — и неизвестная вселенная исчезает. Неведомый таинственный мир выпит.

Но солнце по-прежнему улыбается, а маленький грешник идет во двор завоевывать всю планету. Маленькие вселенные отдали ему свои силы, он должен победить.

Кап! Кап! Кап! — вода капает из крана!

СЕРДЦЕ

Река не знает, что она река, но все равно течет.

Птица не знает, что она птица, но все летает.

Камень не знает, что он камень, но все равно он хранит столетия.

Человек не знает, что он живой, пока не поймет, что он хрупкий.

А понять, что он хрупкий, человек может, прикоснувшись к такому же живому и такому же хрупкому, как он сам. Такое открытие сделала моя подружка Вика из 4 “А”.

— Хоть я и живу в городе, я не люблю город. Раньше я его очень любила, а деревню не любила... А теперь наоборот...

Однажды мы с папой поехали в деревню к тетке. А у тетки были цыплята. Я взяла одного цыпленка в руки. Он смешной, желтый такой, хрупкий, как журавленок из бумаги. Держишь его и боишься, как бы не уронить...

Я взяла его в руки, и вдруг у него забилося сердце. Так сильно и быстро. Как будто он просил меня стуком сердца: “Отпусти меня! Отпусти!”

Ветерок дул на него и “вздымал” его малюсенькие перышки. Я никогда раньше не любила животных, а тут, ой, знаешь, я вдруг так полюбила его, худенького цыпленка. Наверное потому, что впервые держала в руках живое.

А он испуганно вертел головкой и потихоньку пищал... И тут я поняла, что я тоже слабая, но могу стать сильной. А еще я, как и он, нужна этому миру. И все живые нужны...

Жанар КУСАИНОВА, Натали БОЛТРУМОВИЧ**“ЩЕРНЫШ, ДАРАГОЙ!”**

Сидим в кустах и видим... Молчаливая процессия маленьких ребят несет хоронить своего друга. Ну, что в этом, казалось бы, такого, несут себе и несут...

Но было здесь что-то не так.

Дети сдерживали слезы. Они кусали губы и от ярости сжимали кулачки.

В этот день, как всегда, светило солнце и было ясно, как всегда.

И люди суетились вокруг них, и никто не замечал, что у маленьких детей огромное горе.

... Чтобы достойно похоронить щенка, им пришлось... Краску и кирпичи дети стащили со стройки. Цветы сорвали в школьном саду. На вещевом рынке выпросили платок, в который завернули тело...

Похоронили и поставили караул у могилы. Нежно положили цветы. Маленькими пальчиками сделали памятную надпись на камне: “Щерныш, дарагой”.

А потом они проводили Черныша в собачий рай песней. Голосочки дрожали от волнения, на глазах выступили слезы.

Время пройдет, и боль утраты утихнет. У ребят появятся другие друзья, может, они будут лучше, чем эта собака. Но забудут ли они Черныша и эти похороны?..

Дина ВОРОБЬЕВА

*“Зеленые” микрорайона “Центральный”
Казахстан, г. Кокишетау*

ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Ну и денек выдался! Солнечный, безветренный. Мы собрались к двенадцати у ворот художественной школы, чтобы отправиться за город, в лес. Мы это разновозрастные — от 10 до 14 лет — ученики Наталья Андреевны. Прихватили с собой пакеты с продуктами и нечто, вернее кое-кого, непредвиденно: Василиса — маленького братишку Ромку, а я — щенка Рея. Длительное ожидание на остановке не испортило нам настроения. Протолкнувшись в переполненный автобус (ведь это дачный семнадцатый маршрут), мы едем в компании со свирепым булькой — агрессивным красноглазым бультерьером. Кроме него, все настроены дружелюбно, улыбаются, шутят, и даже кондуктор не ругается, а соглашается с тем, что если мы едем классом, то можно бесплатно.

Мы с шумом и гамом вываливаемся на конечной остановке и с полчаса добираемся до выбранного нами места. Это ложбина, заросшая деревьями и кустарником: березами, осинами, шиповником, с небольшой полянкой, на которой пасется скот и дремлет мальчишка-пастушок.

Сегодня мы не захватили с собой краски и кисти. Мы будем просто смотреть, смотреть и запоминать — надолго и навсегда — это ярко-синее небо, золото берез, эту пронзительную тишину.

На месте нам не сидится. Глаза так и рыщут по сторонам в поисках красивых листьев, причудливых кореньев. Но они подмечают и другое: на полянке до нас уже побывали гости. После них немало осталось битого стекла, пакетов, газет. Все это мы аккуратно собираем в полиэтиленовый пакет и относим в сторонку. Жаль, что нет с собой лопаты закопать мусор поглубже.

Потом мы начинаем вспоминать разные подвижные игры: “догонялки”, “третий лишний”, “фанты”. Начинаем с “фантов”. Это непростая игра. Попробуйте составить композицию по какой-нибудь картине или изобразить какую-нибудь статую, животное, дерево. А тем временем у кромки леса, возле ручейка, задымился костерок. Оказывается, чья-то заботливая мама поставила в сумку сына трехлитровую банку с мясом, и нас ожидал шашлык. Настроение поднялось еще выше. На общую скатерть было выложено все, что было в пакетах, в основном осенние лакомства: морковь и помидоры, яблоки и дыни, вареный картофель и бутерброды. Каждому досталось по палочке шашлыка, и все, даже Рэй,

его с удовольствием съели. И снова игры, каких вы, может быть, и не знаете: “В царя”, “Смешной телефон”.

Солнце светило, краски менялись, время летело, а нам не хотелось уходить отсюда.

Осмелев, подошел поближе пастушок. Мы угостили его яблоком. Его огромный неухоженный пес тоже явно ждал угощения. Мы дали ему кусок хлеба. Он мгновенно исчез в красной пасти. Туда же отправились остатки бутербродов, капустный пирог, картошка и все, что только оставалось съедобного. Стадо тоже подошло поближе. Оказалось, что коровы очень любят дынные корки и огрызки яблок. А мы-то хотели их закопать. Но прощаться с новыми знакомыми и уходить все же пришлось. Солнце клонилось к закату. Нас ждали невыученные уроки и выговоры родителей.

Мы не оставили о себе плохой памяти — все унесли с собой. Только взяли на память по букетику засохшего конского щавеля — то ли для экибан, то ли бабушкам для отваров от желудка.

Возвращались в той же компании с кондукторшей, не бравшей с нас денег за проезд, и недружелюбным булькой.

Грустные и притихшие. Спасибо, Наталья Андреевна...

АБХАЗСКАЯ ПОГОВОРКА

Сохранившего саженцы ждут деревья.

Александр ПАНЧЕНКО

*Ассоциация экологического просвещения “ППП”
Казахстан, г.Уральск*

ВНУК ПОМКА

Новый день родился веселым. Лес и небольшое озеро переглядывались — чей наряд лучше? Трудно решить. Утреннее солнце все вокруг одело в яркие праздничные уборы: посеребрило тополя, золотыми бликами-зайчиками наполнило озеро, на листьях ежевики поразвесило изумрудные шарики росы. Под животворными солнечными лучами ожила природа: закопошились муравьи у старого пня, на деревьях расселись сороки, бойко стрекоча на своем птичьем языке. Их видно очень интересовал наш небольшой рабочий отряд и то, чем мы занимаемся. Одна из сорок, наверное, самая любопытная, кружила прямо перед нами, нетерпеливо перелетая с ветки на ветку, делала круглые глаза и задавала массу непонятных вопросов.

Не знаю уж, за кого нас приняли сороки, но мы просто изучали жизнь пойменных озер и стариц. Мальчишки, раздевшись, ходили по берегу, собирали стебли водных растений и обитателей озера. Потом, когда ребята закончили сбор материала, мы развернули походную лабораторию.

Неожиданно на противоположном берегу озерца появились двое: мальчик лет пяти и старец с роскошной седой бородой. Мальчик напоминал мне любопытную сороку: он так же нетерпеливо подпрыгивал, кружась вокруг деда, и постоянно спрашивал, стрекоча без перерыва:

— Дедушка! Смотри! Лягушка живая! А почему она не тонет? А где она живет? — громко звенел детский голосок.

— Лягушка живет в озере, — успел заполнить секундную паузу дед.

— А почему она живет в озере, почему только в озере? — новая “очередь” вопросов.

— Потому что она приспособлена жить в озере, и ей здесь хорошо.

Но внук уже нарвал “гусиной лапчатки” и, протягивая букет дедушке, застрекотал:

— Деда, как называются эти цветочки?

— Это побережник.

— А почему?

— А потому, что они растут по берегам речек и озер.

Дедушка и внук, обогнув озеро, приближались к нам.

— Здравствуйте, ребята, чем занимаетесь?

Мы тут же познакомились с Петром Васильевичем и его непоседливым внуком Ромкой. Петр Васильевич работал сторожем на колхозных плантациях и жил неподалеку от нашего лагеря. Пока мы разговаривали с дедом, внук Ромка не спускал глаз с Наташи, которая рассматривала пробы под микроскопом. Он уже раскрыл было рот, но, видимо, в маленькой Ромкиной голове возникло так много вопросов, что он не знал, какой из них задать первым. Ромка случайно перевел взгляд на меня и, увидев у меня в руках целлофановый мешочек, в котором что-то двигалось, бултыхалось, вдруг решил:

— А что это? А почему? Кто там плавает? Зачем? — лавина вопросов обрушилась на меня.

— Ромка, не трещи, как сорока, я все тебе сейчас расскажу. Это микроскоп, такой специальный прибор, чтобы лучше видеть мелких насекомых. Наташа обязательно даст тебе посмотреть. А у меня в мешочке личинки стрекозы. Ты видел когда-нибудь стрекозу?

— Да-а, — неуверенно ответил Ромка.

— Так вот, у стрекозы бывают детки-личинки. Они совсем не похожи на взрослую стрекозу и живут в воде. Знаешь, как они плавают? Ого-го! Как реактивные! Личинка набирает в себя воду, а потом под напором выбрасывает ее назад, а сама при этом прямо-таки летит вперед. Когда личинка подрастает, она прикрепляется к растениям, а через некоторое время из личинки выходит взрослая и красивая стрекоза с серебристыми крылышками. Первое время она сидит неподвижно, а потом проголодается и начинает летать и ловить комаров и мелких насекомых. Стрекозы считаются очень древними насекомыми: они могут летать и вперед, и назад, и вверх, и вниз, зависать на месте в воздухе, как вертолет.

— Как тебя зовут? — заинтересованно спросил Ромка.

— Валя, — ответила я.

— Вот здорово! — воскликнул Ромка.

То ли мое имя так ему понравилось, то ли рассказ про стрекозу?

Ромка снова уткнулся носом в мой мешочек.

— А это кто? — Ромка показал пальцем на головастиков длиной в полспички.

Илларионова Тамила, 3“в” класс. *Птица*

— Это личинки лягушки. Ты же видел лягушку?

— Да, видел! Видел, как они быстро прыгают в воду.

— Лягушка, — продолжала я свой рассказ, — весной откладывает икру на стебельки подводных растений. Проходит немного времени, и из икринок выплывают совсем непохожие на лягушку личинки, которых прозвали головастиками за то, что у них большая голова.

— Сначала головастики дышат в воде наружными жабрами и по внешнему виду и образу жизни ничем не отличаются от мальков рыб. Потом жабры у них отпадают и появляются легкие, головастики начинают дышать, высовывая мордочки, чтобы захватить порцию воздуха. Позднее у них отрастают задние ножки, потом передние, хвост исчезает, и они становятся похожи на лягушку-маму. Они обычно выходят шумной компанией на берег, чтобы полакомиться мошкой и комарами. В случае опасности лягушата дружно прыгают в воду. Ты теперь понял, почему лягушкин “дом” — это озеро?

— Еще не совсем, — схитрил Ромка.

— Лягушка не может жить далеко от воды. Если она ускачет от озера, то может умереть, потому что ее кожа высохнет и лягушке не будет хватать воздуха. Чтобы дышать, лягушка должна постоянно смачивать водой кожу. Ведь она дышит и легкими, и кожей.

— Мы, значит, тоже дышим, как лягушки! — обрадовался Ромка, — и для этого моемся в бане!

— Нет, — засмеялась я, — люди дышат легкими.

— А дедушка говорит, чтобы кожа лучше дышала, нужно в баньке попариться.

— Это верно, немного кислорода человек получает через кожу, но большую часть все же через легкие.

— А почему лягушки умеют дышать кожей и легкими? — напирал Ромка.

— Ты еще маленький: вырастешь — узнаешь.

— Ну расскажи, Валя, — пристал ко мне мальчуган.

Я сдалась. Взяла лист бумаги, восковой карандаш и нарисовала трехкамерное сердце лягушки. Ромка внимательно следил за тем, как я аккуратно вырисовывала контуры сердца.

— Ну вот, Ромка, смотри и слушай. У лягушки сердце состоит из трех частей, а у нас с тобой из четырех...

Потом я взяла из походной лаборатории три стаканчика: в один налила воды и капнула туда красной туши, в другой — синей.

— Смотри, красная водичка — это кровь с кислородом, а синяя — без кислорода. Сливай оба стакана в третий — общий, — предложила я Ромке. — Вот так и в сердце у лягушки происходит, а недостающий кислород лягушка пополняет через кожу из воздуха.

Возможно, Ромка ничего не понял. Но по выражению его лица было видно, что он остался доволен моим рассказом. Наконец-то на все его

бесконечные “почему” он получал ответы. Ромкин дедушка все это время сидел на старом пеньке и внимательно нас слушал, поглаживая морщинистой рукой свою роскошную бороду. Наконец, вздохнул:

— Счастливые вы, ребята! Все мудрости природы знаете! А мои молодые годы пролетели как ураган, сгорели в огне двух мировых войн. Писать-то и читать я выучился, а вот науки одолеть не довелось. Зато детей своих выучил и внуков вот дождался. Ну что, клопенек, приглашай на чай в нашу избушку на курьих ножках!

“Избушка на курьих ножках” оказалась добротной, чисто побеленной избой. За чаем уже мы были похожи на любопытных сорок: расспрашивали Петра Васильевича о его жизни. Оказалось, что Ромкин дедушка в годы гражданской войны был лихим кавалеристом, а в Отечественную войну ходил в разведку. Раненого, его взяли в плен, но Петр Васильевич бежал, потом партизанил в брянских лесах и закончил войну в Берлине. У наших мальчишек разгорелись глаза. Еще бы. Настоящего фронтовика послушать — это не учебник по истории читать.

Следующим утром мы свернули лагерь и пошли попрощаться с Петром Васильевичем и Ромкой. Было рано, и Ромка еще спал. Он спал прямо во дворе, под легким марлевым пологом. Разбросав свои маленькие ручонки, он глубоко вдыхал напоенный целебными ароматами воздух. А над тонкой марлей раскинулся полог мирного неба, расцвеченный восходящим огромным красным диском Солнца. Дед, словно былинный богатырь, сторожил покой и родной земли, и внука. Две страшные войны не согнули Петра Васильевича, а мы, прощаясь с ним, от всего сердца пожелали ему здоровья.

Воды седого Урала понесли наш маленький “фрегат “Орленок” вниз, к городу, а на яру, на фоне восходящего солнца, мы все еще видели крепкую фигуру старика. Он стоял, расправив плечи, и глядел из-под руки вдаль... То ли на нас, то ли на речной простор.

ПОЛЕТ

Посреди бескрайнего океана лежал прекрасный остров. Побережье острова занимала равнина. Дальше от берега расположились живописные холмы. Нагромождаясь один на другой, они поднимались все выше и выше. Вершина, венчавшая остров, была так высока, что, казалось, уходила в самое поднебесье, и на ее макушке, несмотря на жаркое солнце тропиков, всегда лежал снег. Остров алмазной пирамидой возвышался над поверхностью океана.

На побережье, в лесах и в скалах острова было много птиц. Им здесь жилось очень уютно и сытно, и так беззаботно, что самые толстые и ленивые даже разучились летать.

Птицы часто собирались после обильной еды в тени ветвей раскидистого старого дерева и обсуждали всякие мелочи.

— Вчера был такой сильный шторм и на отмель выбросило так много рыбы, что сегодня на рассвете мы выбирали только самую вкусную, — вспоминала утреннюю трапезу птица с розовыми перьями на голове.

— А мы сегодня утром ели крабов, — похвасталась ее соседка. — У них такое нежное мясо.

— А мы..., а мы сегодня лакомились морскими червяками, — гордо произнесла толстая птица с длинным клювом.

— Фу, какая гадость, — загоготали остальные. Толстая птица обиделась на них. Они повздорили, потом помирились и стали обсуждать другие новости: кто с кем подрался из-за дележки рыбы, кто куда летал, кто что видел. И когда нечего было больше обсуждать, они опять стали вспоминать вчерашний шторм и обильный завтрак.

Белокрылому — именно так зовут героя нашей сказки — всегда было очень скучно слушать бесконечные, однообразные разговоры птиц. Но как воспитанный член стаи, он молча и уважительно сидел среди птиц и внимал их беседе. Но иногда, когда ему особенно надоедала бесконечная трескотня, он, переваливаясь с лапки на лапку, пятился к кустам, незаметно исчезал в густой листве и, как только становился невидимым для птиц, бежал со всех ног через кусты к краю обрыва, где бились волны океанского прибоя, и с разбега прыгал вниз, раскинув широко крылья, и плавно парил

над гребнями волн, скалами, пеной прибоя. Ему очень нравилось летать над самыми гребешками волн и чувствовать, как мелкие брызги попадают ему на клюв и увлажняют перья его крыльев. Однажды, после долгого полета над волнами, он сидел на скале вместе с птицами и сушил свои крылья, побелевшие от морской соли. Вожак стаи поразился, увидев его. “Посмотрите, какие у него белые крылья!”. С тех пор все звали его Белокрылым.

Белокрылый был очень любопытным. Он, затаив дыхание, слушал рассказы птиц, кочевавших над просторами океана от одного острова к другому, не в пример птицам, жившим на его острове, старался понять непонятную речь дельфинов, резвившихся недалеко от берега, наблюдал за муравьями, возводившими огромные замки. И еще его постоянно мучил один вопрос, что там светится ночью и переливается, искрится под солнечными лучами на Вершине горы, возвышающейся над островом.

Однажды осмелев, он даже спросил одну из птиц, кочующих над морем: “Уважаемая, вы не объясните мне, что так сверкает на далекой Вершине нашего острова?” Ему ответили, что птицы никогда не были там. Каждый раз, подлетая к острову, они облетали гору стороной. Однажды сильный ветер отбросил их к Вершине, и они почувствовали, как сильный холод стал сковывать их движения. Может быть, из-за этого невыносимого холода вожаки стаи всегда старались держаться в стороне от Вершины. Там было холодно, это птицы знали точно, но что было на самом ее верху, не знал никто. Еще больше раззадоренный ответом птиц, кочующих над морем, Белокрылый стал думать: “Было бы неплохо туда слетать и посмотреть, что там такое?”

Он поделился своими мыслями с друзьями по стае, но они ответили: “Разве тебе плохо здесь? Ведь здесь тепло, много рыбы. Здесь есть жаркий песок пляжа и тенистая прохлада леса, а там... Мы даже не знаем, что там? Ведь Вершина так далеко от моря!” Белокрылый согласился с друзьями и одно время даже перестал думать о Вершине, но потом случилось вот что.

Как-то раз он проснулся глубокой ночью. Спать ему совсем не хотелось. Он забрался на конец большой ветки дерева и увидел прекрасную картину. Океан мирно дремал под покровом ночи, лишь изредка вздыхая во сне. Волны прибоя тихо перешептывались на прибрежном песке, боясь потревожить покой океана. Лес, окутанный мглой, стал как будто бы больше и казался совсем незнакомым. Тысячи звезд ажурной пеленой укрыли океан, берега, лес, равнины, холмы. Все спало, даже ветер, неутомонно носившийся над островом весь день, задремал в верхушках больших деревьев, слегка раскачивая их во сне. И только луна как маленький светлячок пробиралась сквозь густые гроздья звезд, оставляя лунную дорожку на поверхности океана. Укрывая серебристой пеленой лес, равнины и холмы, она поднималась все выше и выше и наконец добралась до Вершины. Вершина засверкала мириадами искр, переливаясь в серебристом лунном свете, разгладила ледники, и луна, увидев в них свое отражение, смутилась своей скромной красоты, растерялась и застыла на месте. Белокрылый смотрел как зачарованный. Он был поражен

великолепием картины и прелестью маленького лунного светлячка. Он еще долго смотрел на сверкавшую Вершину, на смущенную луну, пока на востоке не начало светлеть небо. Луна встрепенулась и стала торопливо спускаться с небосклона по оставшейся веточке звезд, уступая место солнцу.

После этой ночи Белокрылый только и думал о сверкающей таинственной Вершине. Но как туда добраться? Сколько дней туда лететь — один, два, пять, десять? Что за таинственный блеск разливается во все стороны от самой макушки горы? Он не знал ни о ледниках, ни о скалах. Он только видел очаровательное сияние, влекущее его с неодолимой силой. Он еще раз попробовал поговорить со своими друзьями, и, когда трое из них уже почти согласились лететь с ним, один из них вдруг спросил:

— Ладно, мы согласны, но что мы там будем кушать? Рыба там есть?

— Я не знаю, — тихо сказал Белокрылый.

— Может быть, там есть крабы? — спросил другой.

— Не знаю... — еще тише ответил Белокрылый.

— Может быть, на худой конец, есть морские червяки? —

Белокрылый молчал.

Друзья помялись, помялись, посоветовались между собой:

— Ты извини нас, Белокрылый. Как же мы туда полетим, если мы не знаем, что мы там будем есть!?

После этого разговора Белокрылый совсем загрустил. Ему еще больше хотелось лететь на Вершину. Но теперь он понимал, что она недоступна. И он с грустью думал: “Неужели я так никогда и не узнаю, что же там на Вершине, никогда-никогда не смогу посмотреть на остров с ее высоты”.

Друзья пытались его утешить, то звали посмотреть на диковинные растения, занесенные на остров ветром, то на огромное животное, плескавшееся недалеко от берега и распугивающее дельфинов, то на причудливые узоры, оставленные на песке отливом, а то просто поиграть в догонялки или прятки. Но Белокрылый, даже когда играл со своими друзьями, все продолжал думать о Вершине: “Я никогда не смогу на ней побывать. Даже птицы с сильными и большими крыльями, кочующие над морем, не смогли побывать на ней. А куда мне с ними тягаться!”

Но вот однажды, после многих, многих дней прекрасной и тихой погоды, на остров обрушился ураган. Океан, такой спокойный и ласковый, такой голубой и прозрачный, превратился в черное чудовище с огромными белыми когтями. Он вставал на дыбы, рычал, грохотал и с разбега бросался на прибрежные скалы. Скалы в ужасе вздрагивали и стонали от боли. Ветер точно сошел с ума, он разорвал в клочья синеву неба, завалил яркое солнце булыжниками черных туч и с такой яростью обрушился на берег и лес, что деревья и кустарники трещали под его натиском.

Птицы и звери попрятались в норы, под камни, в расщелины скал и, затаив дыхание, прислушивались к тому, как бушует ураган. Белокрылый сидел в глубокой расщелине скалы, где укрылись многие его сородичи и по-прежнему думал про Вершину. Ураган совсем не пугал. Было даже немного интересно, потому что никто на острове, даже самые старые

птицы, не могли припомнить таких сильных шторма и ветра. Иногда, когда Белокрылому становилось совсем скучно, он потихоньку пробирался по расщелине к ее выходу и выглядывал наружу. Но, кроме черных туч и клочьев разорванных облаков, он ничего не видел. Он ничего не слышал, кроме грохота океана и свиста ветра. Тогда он забирался обратно в глубь расщелины и мирно засыпал. И ему приснился сон, что ураган разогнал тучи и среди них показалась Вершина. Ветер ласково протянул к нему руки и сказал: “Я тебе помогу долететь, только расправь крылья и держи их крепче”.

Белокрылый вздрогнул и проснулся. Он посмотрел туда, где в расщелине был виден остров, и ему показалось, что он видит кусочек чистого неба. Он быстро засеменил к выходу из расщелины, уже не боясь, что ураган унесет его, и увидел, что Ветер и вправду разорвал тучи над Вершиной. Она стояла как одинокий остров, в океане облаков. Ветер немножко ослаб, он уже не свистел, как прежде, страшно и свирепо. А как будто бы что-то говорил, какие-то невнятные слова. Белокрылому показалось, что Ветер тихонько шепчет: “Расправь крылья и держи их крепче, я помогу тебе долететь до Вершины”. Он испугался, еще крепче прижался к стенке расщелины. Его снова пронзила мысль о том, что он никогда не долетит до Вершины сам.

Он посмотрел на Ветер. Ветер нес облака прямо к Вершине. Они, как быстрокрылые птицы, кочующие над морем, стремительно мчались, убегая от взора Белокрылого. Ветер опять что-то стал лепетать на своем воздушном языке, и Белокрылый подумал: “Может быть, он и вправду зовет меня?” Еще минуту он постоял в нерешительности на краю расщелины, а потом зажмурил глаза, расправил крылья и бросился в море облаков и объятия Ветра. Его закружило, перевернуло несколько раз через голову. Он напряг все силы, пытаясь удержаться, и вдруг почувствовал, что летит, как обычно, только очень быстро и почти не двигая крыльями.

Он открыл глаза и увидел вокруг черные огромные тучи. Одни напоздали на него снизу, другие настигали сзади, третьи наваливались сверху, и только впереди, в узком промежутке между тучами, сверкала Вершина, сияло солнце и виднелся маленький лоскуток голубого неба. Вершина была далеко, но Ветер мчался так быстро, неся Белокрылого, что Вершина росла прямо на глазах. И чем ближе подлетал к ней Белокрылый, тем она становилась все больше, выше и загадочнее. Белокрылый стал различать огромные скалы, маленькие вершинки, которые гурьбой толпились у подножия Вершины. Он увидел огромные белые поля, изрезанные трещинами, покрытые причудливыми фигурами, но он нигде не видел хорошо ему знакомые травы, кустарники, деревья. Наконец пред ним предстала и сама Вершина — огромная, молчаливая, она как будто дремала в лучах заходящего солнца.

Теплый Ветер, принесший Белокрылого к Вершине, вдруг замер, пролепетал какие-то непонятные слова и исчез. Белокрылый почувствовал холод и увидел, что без помощи Ветра падает вниз. Он отчаянно замахал

крыльями, взлетел немножечко выше и стал кружить над Вершиной, внимательно рассматривая ее. Она была вся белая и гладкая, и только кое-где чернели камни и скалы. “Что это? — подумал Белокрылый. — Похоже на песок на дне во время отлива. А может быть, это большая раковина, выбеленная солнцем? Только очень большая”. Белокрылого разобрало такое любопытство, что он быстро спустился на макушку Вершины и засеменил лапками по неизвестной гладкой белизне. Острые и холодные иголки вонзились в лапки, но тут же растворились, превратившись в капельки.

Он огляделся вокруг. Красивые белые песчинки кружились, подгоняемые ветром, словно пытаясь догнать друг друга. Он никогда не видел таких красивых песчинок, они ему так понравились, что, забыв про холод, он стал ловить их клювом, чтобы рассмотреть получше. Как только он поймал одну из них, она тут же растворилась, оставив маленькую капельку воды на клюве. Попробовал поймать другую, но она растаяла, как и первая. “Странные песчинки”, — подумал Белокрылый с сожалением и побрел дальше, осматривая Вершину.

Между тем солнце все ниже и ниже опускалось к бескрайнему океану облаков, и на Вершине становилось все холодней и холодней. У Белокрылого стали подмерзать лапки, он растерялся: вокруг было все такое незнакомое, непонятное и холодное. Не было ни знакомой ему рыбы, ни травы, ни орехов. Он шел все дальше и дальше по Вершине, и ему стало совсем одиноко и немножечко страшно. Он не знал, что ему делать. Он не мог найти никакой еды, никакой норки, чтобы спрятаться на ночь. Он попробовал лапками выкопать норку в этом холодном белом песке, но песок не поддавался и царапал кожу. Он попробовал долбить его клювом, но тот оказался твердым, почти как камень. И тут впервые Белокрылый подумал: “Зачем я не послушал своих друзей и прилетел на эту холодную белую Вершину, где нет ничего особенного. Надо возвращаться домой.” Он взмахнул крыльями и полетел вниз, оставляя сзади Вершину. Чем ниже он спускался, тем становилось все темнее и темнее, тем ближе он подлетал к облакам и тучам, закрывавшим от него весь остров.

Вдруг он понял, что не знает куда лететь, а обратной дороги не видно. Белокрылый стал метаться в разные стороны, надеясь увидеть в просвете облаков знакомый лес и берег. Но напрасно, тучи и не думали расходиться. Наоборот, стали еще гуще и чернее, как будто бы хотели напугать Белокрылого. Ночь все шире простирала свои темные крылья. Белые песчинки все быстрее плясали свой таинственный танец, непонятный Белокрылому. Он проголодался, устал и решил найти расщелину в скалах, чтобы укрыться на ночь.

Вдруг он увидел, как огромная птица, раскинув крылья, медленно и плавно приближается к нему. Птица была большая с острым загнутым клювом и когтями на лапах. Таких птиц Белокрылый никогда не видел на побережье. Он испугался и стал искать куда бы спрятаться. Но скалы со спасительными трещинами были далеко, а птица — совсем рядом.

Белокрылый увидел ее сверкающие глаза, в растерянности перестал махать крыльями и упал на белый жесткий песок. Птица, захлопав крыльями, села рядом. Оттого что Белокрылый лежал, растянувшись во весь рост, птица показалась ему еще крупнее и сильнее.

— Откуда ты, чужак? — спросила птица.

— Я оттуда... с побережья... — залепетал Белокрылый.

— А как же ты сюда попал?

— Меня подхватил сильный ветер и принес сюда.

— Это, наверно, был ураган. Он даже здесь нам много чего натворил, — сказала птица.

— Да, да, это был ураган, — согласился Белокрылый, немножко смутившись, оттого что сказал неправду. Он не хотел говорить, что он сам бросился в поток ветра.

Но птица как будто о чем-то догадалась и переспросила:

— Значит, ты попал сюда против своего желания?

— Да... — совсем оробел Белокрылый.

— Значит, ты не хотел сюда попасть?

Белокрылый так смутился, что ничего не смог ответить. Только закивал головой в ответ.

— Ах, этот злой ветер, он вечно безобразничает, кого-нибудь обижает.

— Нет, он совсем не такой злой, — Белокрылому стало обидно за ветер, который помог ему долететь до Вершины.

— Как же он не злой, если он унес тебя?

— Да это я сам согласился лететь с ним вместе, — сказал Белокрылый и почувствовал, что птица непонимающе смотрит на него.

— Как сам? Ты что хотел сюда прилететь? Ты же только сейчас сказал, что тебя унес ветер.

— Да, — потупился Белокрылый. — Я так сказал...

— А почему?

— Не знаю. Может быть, я испугался вас, когда увидел.

— Хм... Разве я такой страшный?

— Не знаю, — сказал Белокрылый. — Но я никогда не видел такой большой птицы.

— Да, у вас на побережье жизнь не такая трудная, как здесь, — промолвила птица. — Добывать пищу на Вершине нелегко, для этого мне нужны большие когти и клюв. Но я не трону тебя, потому что люблю смелых птиц. А ты, чужак, видимо, смелый, раз отважился лететь вместе с ураганом на незнакомую Вершину. Уважаю смелых.

Белокрылый совсем засмутился, не зная, что ответить.

— Спасибо, — пробормотал он. — Но я не смелый, а любопытный...

— Ну что ж, любопытный, будешь мой гостем. А теперь поторопись, нам надо спуститься в ущелье, — сказала птица. — Сейчас придет ночь и станет холодно. Лети за мной.

Взмахнув большими крыльями, птица устремила в самую гущу черных туч. Но с таким спутником Белокрылому было не страшно на чужой и дикой Вершине. Он полетел за птицей, с любопытством разглядывая все вокруг. Тучи неохотно расступились, окружая клочьями сырого тумана. Наступала ночь, и, кроме белых песчинок, которые все ближе и ближе подлетали к нему, черных очертаний скал и лохмотьев разорванных туч, он ничего так и не разглядел. К тому же он боялся упустить из виду птицу. Вдруг Белокрылый увидел большую скалу с длинной расщелиной посередине. Птица сделала круг и села на камень у края расщелины.

— Вот мы и дома, Любопытный.

Белокрылый понял, что птица так зовет его. И ответил:

— Я не любопытный, меня зовут Белокрылый.

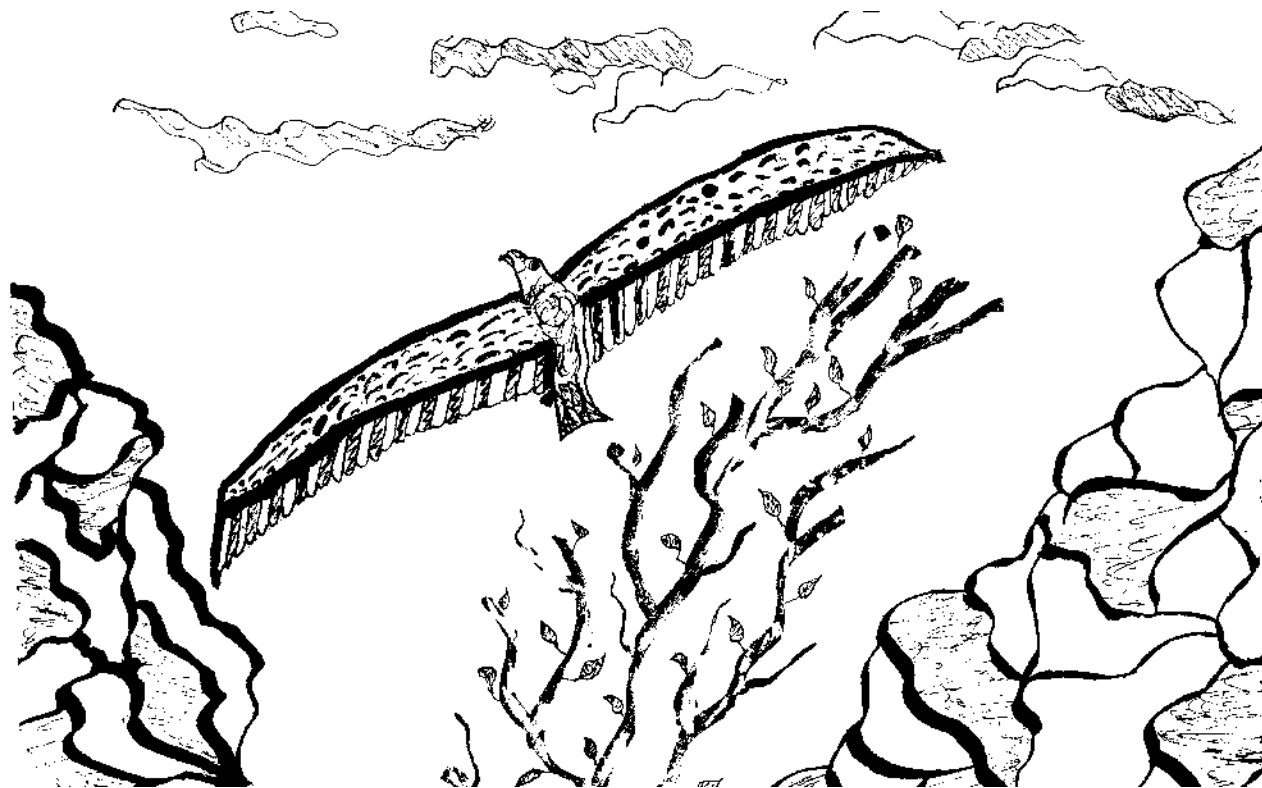
— Белокрылый — хорошее имя. А меня зовут — Высокий Ветер. Я живу на Вершине.

И Высокий Ветер рассказал ему длинную историю о Вершине, о белом холодном песке, называемом снегом, о блестящей большой раковине, закрывающей Вершину и зовущейся ледником, об убийственном холоде, сковывающем Вершину ночью, о грозных скалах и камнепадах, постоянно угрожающих обрушиться на голову зазевавшегося. Белокрылый слушал рассказ, сжавшись в комочек в гнезде, где они сидели. Ему было очень холодно, неуютно и чуть-чуть страшно.

Высокий Ветер угощал его холодными кусочками мяса, но оно было таким невкусным по сравнению с рыбой, которую Белокрылый сам ловил на отмели. Ему очень хотелось спать, он устал, а Высокий Ветер все продолжал свой рассказ о бурных потоках, о седых туманах и мрачных ущельях. Белокрылый то слушал, то засыпал, то просыпался от холода, пока наконец, Высокий Ветер не укрыл его своим огромным крылом. Белокрылый пригрелся и уснул.

Ему снился белый теплый песок, голубые волны Океана, зеленые раскидистые пальмы, густая тень под ними, журчащие, переливающиеся на солнце искристые ручьи, стекающие с холмов. Он беззаботно кружил над ними и думал про себя: “Вот мой берег, мое море, мои деревья и ручьи. Что может быть лучше родного берега, где знаешь каждый кустик, каждую травинку.” Вдруг Океан поднял огромную волну и осыпал Белокрылого серебристыми брызгами. Белокрылый улыбнулся и подставил свои крылья под хлопья солоноватой пены. Но пена и брызги оказались такими холодными, что Белокрылый вздрогнул и проснулся. Шел дождь.

Ветер заносил капли дождя в расщелину. Они долетали до Белокрылого и падали на крылья. Кончики его крыльев стали замерзать, покрываясь тоненькой ледяной корочкой. Он испугался и вскочил, встряхнул крыльями: льдинки разлетелись в разные стороны, с тихим звоном падая на камни. Белокрылый огляделся: было светло, но серая пелена тумана закрывала все ущелье и скалу, и он ничего не мог видеть, только края расщелины и клочья тумана. Высокого Ветра не было рядом. “Что

Лазин Степа, 3 "в" класс. Орел

делать? — подумал Белокрылый про себя. — Я так совсем замерзну”. В гнезде лежало несколько больших кусков мяса. Он попробовал клевать их, чтобы подкрепиться, мясо было промерзшим и безвкусным.

Вдруг он услышал хлопанье крыльев. Высокий Ветер стремительно влетел в расщелину и сел рядом с ним.

— Замерз, Белокрылый? — спросил он.

— Да, — кивнул в ответ Белокрылый.

— Я понял, что ты здесь долго не продержишься, тебе подавай солнце и тепло. Поэтому я полетел, чтобы найти тебе дорогу назад и узнать, кончился ли ураган.

— Спасибо Вам, — дрожа от холода произнес Белокрылый.

— Да, братец, я вижу ты совсем замерз. Нам надо быстро спускаться вниз, чтобы ты согрелся. Быстрее лети за мной.

Он взмахнул крыльями, увлекая за собой Белокрылого. Лететь было трудно, мокрые тяжелые крылья плохо слушались Белокрылого. Холодный ветер бросал его из стороны в сторону. Белокрылый все время боялся потерять из виду Высокого Ветра, рассекавшего своими крыльями плотные сырые тучи. Они летели очень долго. Белокрылый уже совсем выбился из сил, когда вдруг туман рассеялся, тучи внезапно расступились в разные стороны и Белокрылый увидел красивую горную долину, по которой вниз стремительно мчался маленький ручеек. Он бойко перепрыгивал с камешка на камешек, извивался среди изумрудных трав, исчезал, пробираясь под большими камнями, и выныривал снова, продолжая свой бег вниз по долине. Долина, умытая дождем, искрилась под ослепительным солнцем. Желтые, красные, голубые, розовые цветы раскрыли свои чашечки, подставляя венчики приветливым лучам солнца. Чудесный запах наполнял долину, и даже грозные скалы, нависавшие над ней, теперь не казались такими страшными и мрачными.

— Вот мы и прилетели, — сказал Высокий Ветер. Они сели на траву возле ручейка, и Белокрылый почувствовал, как лучи солнца ласково пробираются под его перышки, прогоняя остатки холода и просушивая спинку и крылья. Он зажмурил глаза, улыбнулся и посмотрел на солнце.

— Дальше ты полетишь один.

Белокрылый восторженно и удивленно посмотрел на Высокого Ветра.

— Я житель гор, и я не люблю побережья.

— А как же я найду дорогу домой. Я не вижу знакомого леса и берега.

— Все очень просто. — ответил Высокий Ветер. — Я не напрасно летал сегодня утром. Я узнал дорогу, что ведет к тебе домой. Ты должен лететь вдоль этого ручья и не сворачивать никуда. Он приведет тебя в твой лес.

— Но я же не рассказывал тебе про мой лес, — удивился Белокрылый.

Высокий Ветер улыбнулся:

— Хоть ты смелый и любопытный, но ты еще плохо знаешь наш остров. А я живу на нем много-много лет. Такие птицы, как ты, живут в

лесу, на побережье, где протекает Серебристый Ручей. Вот поэтому я тебя и привел к нему.

Ручей подпрыгнул на камнях при упоминании его имени и рассмеялся звонким смехом. Белокрылый удивленно посмотрел на Высокого Ветра, на Серебристый Ручей и подумал, как много нового он узнал. Он познакомился с сильным ветром, унесшим его на Вершину, с Высоким Ветром, с Серебристым Ручьем. Он увидел Вершину. Когда он вспомнил про Вершину, холодные мурашки пробежали по его спине. Он обернулся назад и посмотрел туда, где должна была находиться Вершина, но увидел только туман и серые тучи, как будто Вершина рассердилась на Белокрылого и спряталась за морем облаков.

— А как же ты? — посмотрел на Высокого Ветра Белокрылый.

— А я полечу обратно. В свое гнездо.

— Там так холодно, — сказал Белокрылый.

— Это тебе холодно. А для меня это — дом, — усмехнулся Высокий Ветер.

Совсем оттаяв и согревшись под лучами теплого солнца, Белокрылый вспомнил, что он не мог промолвить и нескольких слов в ответ Высокому Ветру вчера, когда он пригрел его в своем гнезде. Он засмутился и сказал:

— Спасибо тебе, Высокий Ветер, что ты мне вчера помог. Пригрел и накормил меня. Я так вчера замерз и устал, что не мог даже поговорить с тобой.

— Ничего, — добродушно ответил Высокий Ветер. — Мы с тобой побеседуем в следующий раз.

— В следующий раз? — воскликнул Белокрылый. — Но я... Он остановился и не стал говорить вслух то, что хотел сказать, потому что побоялся обидеть Высокого Ветра. Он не собирался еще раз лететь к Вершине, он только хотел добраться домой.

— Я понимаю, ты устал, — подхватил его слова Высокий Ветер. Ничего, когда отдохнешь, тогда и прилетишь. А теперь мне пора возвращаться.

Белокрылый не знал, что сказать ему в ответ и спросил совершенно невпопад, для того чтобы хоть на минуточку задержать Высокого Ветра:

— Скажи, почему тебя так зовут — Высокий Ветер?

— А ты и вправду любопытный. Но я тебе отвечу. Меня так назвали потому, что я могу подняться и взлететь выше самых высоких облаков туда, где гуляет только ветер.

— Здорово! — изумился Белокрылый.

— Ну, до свидания. Жду тебя в следующий раз.

— До свидания, — ответил Белокрылый.

Высокий Ветер взмахнул крыльями, взлетел, описал круг над Белокрылым и полетел туда, где за синевой туч и белизной облаков пряталась Вершина.

— Передай привет Вершине! — неожиданно для себя закричал Белокрылый. Белокрылому показалось, что Высокий Ветер повернул

голову, взглянул на него и кивнул. А может быть, это ему только показалось?

Белокрылый долго смотрел вслед Высокому Ветру. Вот он подлетел к вершинам скал, коснулся крыльями кромки облаков, мелькнул в промежутке туч и ... исчез. Белокрылому стало грустно, потому что улетел Высокий Ветер и потому что он не рассказал Высокому Ветру о теплом Океане, белом песке, отмели, пальмах, густой траве и белой пене прибоя. И в то же время ему было радостно, потому что теперь он знал дорогу назад и для него опять светило солнце. Он погрузил еще немножко, посмотрел долгим взглядом туда, куда улетел Высокий Ветер и, взмахнув крыльями, помчался наперегонки с Серебристым Ручьем к Океану.

Он летел, пока не наступила ночь, потом сладко спал в кустах возле Серебристого Ручья. Утром полетел дальше, даже не вспомнив о Вершине и не посмотрев в ее сторону. К вечеру далеко-далеко впереди он увидел полоску знакомого леса и вспомнил о Высоком Ветре, посмотрел в сторону Вершины, но тучи по-прежнему скрывали ее от взора. И в этот день он не долетел до Океана, но ночью ему показалось, что он слышит шум прибоя. Утром он поднялся с первыми лучами солнца. К полудню он увидел верхушки знакомых деревьев. Он пролетел над ними, пролетел над поляной, где, как и прежде, сидели птицы, и, достигнув знакомого обрыва, стремительно бросился в пену морского прибоя.

Теплые ласковые волны набегали на песок, перекачивали разноцветные камешки, плескались у подножия скал и как будто шептали ему: “Где ты был, Белокрылый? Мы так без тебя скучали, мы ждали тебя, а ты так долго не приходил”. Белокрылый был счастлив. Сколько дней он не видел этого пляжа, обрыва, этих волн. Весь оставшийся день он только и делал, что резвился на отмели, болтал с любопытными птицами, расспрашивающими его, где он пропадал так долго. Но он так и не сказал им, что был на Вершине. Может быть, потому, что птицы ему все равно бы не поверили, может быть, потому, что ему было неприятно вспоминать холод, снег, дождь и лед Вершины, а может быть потому, что Вершина все еще хмурилась и пряталась в облаках.

Наутро ласковый теплый ветер с Океана разогнал все облака и тучи над островом и Белокрылый увидел Вершину. Она хрустальной пирамидой сверкала на голубом небосклоне. И Белокрылому показалось, что такой ослепительно яркой она не была еще никогда. Он как зачарованный смотрел на манящий таинственный блеск и думал про себя: “Неужели я там был? Неужели эта красивая сверкающая Вершина такая неудобная и холодная? Неужели где-то там, в ее льдах и снегах, живет Высокий Ветер? В следующий раз, когда я туда полечу, надо выбрать для полета самые солнечные дни. В следующий раз...?” И Белокрылый вспомнил, как он замерзал на Вершине, как неудобно и голодно ему было в расщелине скалы. “Нет, я не полечу туда больше”. Внезапно ему пришли на ум слова Высокого Ветра: “Мы поговорим с тобой в следующий раз”.

Так он сидел на макушке высокого дерева, вспоминал свой полет к Вершине. А Вершина чудесным цветком распускалась на утреннем небосклоне, разливая свое волшебное сияние, околдовывала Белокрылого и готовилась к новой встрече с ним.

Сентябрь 1996

**ГОСУДАРСТВЕННАЯРЕСПУБЛИКАНСКАЯ
ЮНОШЕСКАЯБИБЛИОТЕКА
ИМ.ЖАМБЫЛА**

Государственной республиканской юношеской библиотеке (ГРЮБ) в нынешнем году исполняется 20 лет. Библиотека располагает обширным фондом книг — порядка 130 тысяч названий на казахском, русском и других языках, залом периодики с фондом — 260 тысяч экземпляров, куда поступает республиканская пресса, а также пресса из центральных городов России. Ежегодно библиотеку посещают 17 тысяч юных читателей.

Библиотека работает по следующим программам:

“Экология и мы”

“Социальная адаптация молодежи”

“Нравственное и духовное воспитание молодежи”

“Автоматизация библиотечных процессов”

В 1991 году начат выпуск серии двуязычных библиографических указателей “Экология Казахстана. SOS”.

“Семей. Арал. Балкаш...”

“Семипалатинск. Арал. Балхаш”

“С любовью и болью о крае родном”

“Мир, молодежь, экология”.

Для ознакомления с каждым из указанных направлений устраиваются презентации. К примеру, тема: “С любовью и болью о крае родном” располагает десятками названий. 27 из них представлены на одноименной выставке произведений современной казахской литературы. Среди них Д.Досжанов “Река жизни”, Б.Искаков “Горная высь”, К.Мурзалиев “Красная книга”, А.Нурпеисов “Долг” и многие другие.

Библиотека поддерживает тесную связь с редакцией газеты

“Экокурьер”, регулярно организовывая экспресс-информации по наиболее острым публикациям.

Библиотека открыта для разных форм сотрудничества, в том числе и с неправительственными экологическими организациями. Оборудованный видеотехникой (телевизор + видеоманитофон), аудиоаппаратурой зал эстетического воспитания может быть предоставлен для выступлений, лекций, бесед по экологической тематике.

Библиотека предлагает учащимся:

- помощь в подборе литературы по экологическим проблемам;
- консультации по составлению докладов и рефератов, курсовых работ экологической тематики;

преподавателям:

- консультации в подборе литературы для занятий с учащимися;
- подбор литературы по проблемам экологического образования;
- проведение устных обзоров литературы в учебных заведениях;
- пользование картотекой, каталогом, содержащими сведения по естественным, экономическим аспектам экологии;
- составление тематических и иных списков литературы, в том числе аннотированных по предварительным заявкам;
- адресное информирование о новой литературе;

библиотекарям:

- обзоры “Периодическая печать и экология”;
- библиографическое обеспечение деятельности библиотек в экологическом воспитании.

**Адрес библиотеки:
480016, г. Алма-Ата, ул. Фурманова,
тел.32-05-53, 32-06-75, 32-04-90
проезд авт. 2, 73**

SUMMARY

Green Salvation Journal 6 is devoted to providing readers with an overview of the topic of ecology and culture. Materials in this issue span a wide horizon, from philosophical modes of perceiving nature to a Strategy for Tomorrow developed by the thinker/ecologist Jacques-Yves Cousteau, from an essay dedicated to the memory of the famous author/naturalist Maksim Zveryev to the artistic creations of children. This issue of the journal, in focusing on the comparatively unstudied topic of environmental culture, endeavors to collect under one cover stylistically and disciplinarily diverse materials written in various form and genres.

Here, developed in strict scientific research language, Gulnar Sharakpaeva discusses "Modes of Perceiving Nature in the History of Cultures". Lyudmila Vorobyeva, our regular contributor in Kokshetau, observes specific nature worship and reverence customs among Kazaks.

We are especially indebted to those writers and thinkers who ground their efforts in respect for nature and nature's life creating forces. Such was the Kazak poet Abai, and so we remember some lines of his art. Another such champion of nature was our fellow citizen Maksim Dmitrievich Zveryev, a scientist and prolific author who is remembered by Almagul Jumabaeva on his 100th birthday in "Bard of Nature."

Sergei Kuratov's material, "Charmed by Calypso" describes the noble mission of Cousteau's legendary research ship, a ship which faithfully and truthfully served its captain for many years. Reverence for life, consonant with the philosophy of Albert Schweitzer, suffuses Jacques-Yves Cousteau's "Strategy for Tomorrow".

It is no accident that our journal incorporates children's work in two sections, "Children's Pages" and "And, Nevertheless, We Believe." These drawings and stories by children are inspired by unmediated feelings of goodness and justice; they serve as barometrical readings to which adults should orient themselves. Janar Kusainova's "Valley of Childhood" evidences clear talent. While teaching, we are ourselves learning. "Docendo discimus." The hopes of childhood should never be countered by the ambivalence and indifference of adults.

And, nevertheless, we believe. Some time ago, a film of the great Soviet director Mikhail Illich Romm came out with that title. "And, nevertheless, I believe," Romm said at the time as he looked to the future with hope, while at the same time gripped with anxiety over concern for the youth of the planet. Today, we are worried not only about the future of our children, but also about the future of nature and the future of the entire planet; we are, after all, the planet's children.

This issue of our Journal may seem controversial or incomplete to you. We think that we are only beginning to appreciate the wide and voluminous problem of environmentalization of culture, people, and spiritual values. Inviting you to work with us, we look forward to the comments and suggestions of those readers who are not indifferent to these topics.